

АНДРЕЙ КОКОТЮХА

ПРОРОЧЕСТВО

СЕРИЯ
КОМЕДИИ
РОССИЯ

Андрей Кокотюха
Пророчество

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2016

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

Кокотюха А. А.

Пророчество / А. А. Кокотюха — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

ISBN 978-617-12-3308-9

Пророчица предсказала смерть бизнесмену – и на следующее утро его нашли бездыханным... За это дело, полное тайн, взялся оперативник Сергей Горелый. Он только что вышел из тюрьмы, в которую попал «благодаря» своему начальству. Лучший друг Сергея погиб при попытке задержать подозреваемого в убийстве. Теперь для Горелого дело чести – найти виновных в смерти друга. Когда ворожея сказала, что Сергея ждет скорая смерть, он понял: разгадка близка, нужно сделать все, чтобы предсказание не сбылось...

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

ISBN 978-617-12-3308-9

© Кокотюха А. А., 2016
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2016

Содержание

Часть 1	7
Часть 2	23
Часть 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Кокотюха

Пророчество

Трудно представить, чтобы кого-нибудь вышвырнули из нашей полиции. Надо очень постараться. Пока не покроешь себя публичным позором, там будут терпеть практически все.

Кен Бруен. Стражи

© Кокотюха А., 2016

© Shutterstock.com / Aleshyn_Andrei, Lario Tus, обложка, 2017

© Depositphotos.com / Jetrel, xload, обложка, 2017

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Часть 1 БЫВШИЙ

Сержант полиции Малышев выбрался из машины под дождь, отошел на три шага и задрал голову, пытаясь вычислить, где именно на четвертом этаже светятся окна квартиры, откуда поступил вызов.

Кому-то в этот мартовский вечер сильно не повезет, решил он, и его полноватые губы растянулись в мстительной усмешке. Сержант Малышев еще не знал кому. Но раз уж к нему приехала теща из Ахтырки и живет вторую неделю как бы в гостях, то почему только ему, Малышеву, которого уважают коллеги, чье фото висит на Доске почета в горотделе, должно быть плохо? По большому счету дело даже не в теще, а в ее мордатой псине: мать жены притащила домашнюю любимицу с собой, и теперь эта сучка – собачонка, не теща! – по какому-то неведомому праву рычит на него, сержанта Малышева, в его собственной квартире. А сержант очень не любил, когда на него рычали. Однако отдубасить четырехногую сучку резиновой дубинкой тоже не мог: не хотелось лишний раз связываться с двуногой.

Собственно, с обеими: тещино гостевание плохо влияло на жену – у нее, по выражению Малышева, в присутствии родной матушки стал прорезаться голос, и вести себя она начала так, как эти прибацанные тетки в телевизоре. Как ни придешь с работы, так по ящику какие-то бабские выступления: «Мы, женщины, слишком часто позволяем мужчинам унижать себя!» – ну и прочая контрреволюция. Временами сержанту Малышеву казалось, что жена наслушается телевизионных теток, у которых все зудит без мужика, и начинает верить: раз об этом говорят вслух, значит, все это имеет право на существование. Просто когда рядом нет мамыши из Ахтырки, жена помалкивает, потому что знает, как реагирует образцовый конотопский полицейский, то есть теперь уже полицейский, если дома на него начинают наезжать. И держит в себе все, что слышит от телевизионных курв. Но когда приезжает мама, жена смеется, потому что их становится двое.

А к тому же сучка тещина ох и лютая! Сержант Малышев, который не раздумывая, практически с голыми руками уверенно шел на злостных правонарушителей, панически боялся собак. Признаться в этом теще – перестать себя уважать, и вдобавок тогда она будет иметь лишний козырь против него. Еще натравит сдуру свою псину на зятя...

Одним словом, сержант Малышев, чей характер и без того не отличался мягкостью, в последние дни только и делал, что искал, на ком бы сорвать злобу, накопленную в собственном доме. И сейчас, получив вызов и приехав разбираться с зачинщиками бытовой драки, он уже предвкушал, как займется воспитательной работой со всеми, кто только попытается воспротивиться его приказам. Полный этих приятных предчувствий, сержант Малышев взвесил в правой руке резиновую дубинку – свою верную спутницу и, без преувеличения, лучшую подругу. Только дубинка не подведет, не предаст, не оплошает.

Тем временем из полицейской машины уже вылезал под дождь сержант Прудник. У него тоже имелись причины искать возможность стравить пар. Тещи с шавкой у Прудника не было. Следуя заповеди «жениться надо на сироте», Прудник и в самом деле нашел-таки сироту – а кто еще в наши дни согласится жить с ментом в ментовском общежитии? Но несколько лет назад их общагу начали тасовать какие-то неведомые структуры, и в результате часть ее была заселена всяким пестрым людом, явно не за просто так. От всего этого пострадали, собственно, конотопские менты, ведь в полицию, как раньше в полицию, обычно шли парни из окрестных сел. И преимущественно ради того, чтобы получить комнату в общежитии с отдаленной перспективой когда-нибудь разжиться отдельным жилищем. Ну а теперь, с переходом на коммерческие рельсы, места для проживания работников поли-

ции начали стремительно сокращаться. И очереди претендентов выстраивались уже на получение койки в общеаге. Эта ситуация, с горечью и болью описанная в одной из сумских газет, если и могла со временем измениться, то только в худшую сторону.

Сержантский состав и несколько младших офицеров из числа проживающих в общежитии попытались добиться справедливости. Была создана инициативная группа, удалось даже подпрячь депутата горсовета с оппозиционными взглядами и юридическим образованием. Но вся эта борьба за свои права закончилась, не успев начаться. Начальство дало понять: правозащитная активность приведет только к одному результату – новым сотрудникам будут предоставлены места в общежитии за счет выселения тех, кто там уже обитает. Только таким образом. Прудник принимал в этом движении только пассивное участие: помалкивал и изображал массовку, но одного из ретивых активистов, который что-то там наболтал сумским журналюгам и даже позировал в форме для фото в газете, из общеаги все же выперли.

На каком основании? Да просто поймали на том, что взял у торговки семечками на базаре двадцать гривен. Приписали коррупцию и выставили – вместе с женой и дочерью-школьницей. Чтобы не видеть, как узлы с их немудреными пожитками выносят и сваливают в кучу на заплыванном асфальте у подъезда, сержант Прудник прямо с утра пошел и надрался.

Теперь все притихли, зато пацан, поселившийся у Прудника за стеной, регулярно среди ночи врубает музыку и начинает подпевать – нет, скорее, подкрикивать. Уяснив, что выставить из общеаги в ближайшее время его никто не сможет, пацан сильно забурел и стал прямым текстом посылать сержанта, когда тот, опять же среди ночи и при полной форме, стучался к нему, требуя прекратить безобразие. «Эту музыку нельзя слушать тихо, господин селянин!» – слышалось в ответ из-за двери во время последнего инцидента, и было это не далее как прошлой ночью.

Поэтому, как и его напарник, сержант Прудник, кипевший бессильной яростью, больше всего хотел на ком-нибудь оторваться и очень надеялся на то, что нарушитель общественного спокойствия, вломившийся в чужое помещение и своевольничавший там, начнет оказывать сопротивление слугам закона при исполнении служебных обязанностей.

Сержант Прудник, бросив быстрый взгляд на сержанта Малышева, многозначительно поправил на плече ремень автомата – в последнее время патрульных обязали постоянно носить серьезное огнестрельное оружие.

Сержант Малышев жестом кобуря поправил кобуру, звякнув при этом наручниками, закрепленными на ремне, и слегка постучал резиновой дубинкой о ладонь левой руки. Нужное окно он так и не вычислил: должно быть, оно выходило не на улицу, а во двор, на другую сторону здания.

Обоим копам, чью власть в пределах их собственных семей и мест проживания никто особо не спешил признавать, не терпелось доказать свою значимость если не всему свету и даже не всему Конотопу, то хотя бы одному отдельно взятому пьяному дебоширу.

– Погнали! – коротко приказал Малышев.

В составе патруля он числился старшим.

Стоя у бронированной двери указанной в вызове квартиры, полицейские некоторое время прислушивались, пытались понять, что, собственно, происходит внутри. Оба знали по опыту: звуки ссоры или потасовки обычно проникают даже сквозь двойные двери. А судя по информации оперативного дежурного по городу, здесь происходила именно драка.

Разнимать дерущихся сержанты любили как по отдельности, так и вместе, когда им доводилось выезжать на происшествие в паре.

Однако за дверью стояла тишина. Губы Малышева непроизвольно скривились: ну что за люди, не могли продержаться еще пару раундов до тех пор, пока патруль не явится! Да

и сколько тут ехать? Дом почти в центре, сообщение было получено в семь десять вечера, а в семь двадцать они уже высаживались из машины перед подъездом. Если уж разборки увенчались дракой, то нормальные люди не прекращают выяснять отношения так быстро...

Малышев опять стукнул дубинкой по левой ладони, на сей раз раздраженно.

Прудник, уловив настроение напарника, пожал плечами и решительно утопил указательным пальцем – под ногтем серела грязная бороздка – кнопку дверного звонка. Утопил до упора и держал, наслаждаясь непрерывным пронзительным звоном. Правильно, нечего тут! Это вам не гости, открывайте немедленно – полиция!

Дверь и в самом деле быстро открылась, но Прудник, охваченный каким-то внезапным и необъяснимым мстительным чувством, не спешил убирать палец, еще сильнее нажимая на кнопку звонка. Тем временем Малышев, не ожидая особого приглашения – в конце-концов, вызывали же, бляха-муха! – шагнул в прихожую, оттеснив от двери брюнетку средних лет в светло-серых трикотажных штанах и синтетической кофте того же оттенка с подростковым капюшоном. Этот фасончик, сварганенный «в струю» местными умельцами, нисколько не молодил хозяйку дома. С точки зрения сержанта Малышева, он, наоборот, лишь подчеркивал ее возраст и говорил о стремлении угнаться за утраченной молодостью. Хотя, присмотревшись к ней при комнатном освещении, Малышев отметил: хозяйка вовсе не так стара, как ему показалось, просто она, как говорится, изрядно потаскана. И выглядит гораздо старше своих лет либо потому, что вовсе не следит за собой, либо не в курсе, как это делается.

Малышев знал толк в таких вещах: его жена работала в салоне красоты, дома валялась куча соответствующих журнальчиков с фото гламурных женщин и парнишек, которых сам блюстител порядка безапелляционно называл «пидоры», поскольку на самом деле так считал. К тому же жена подрабатывала на дому – делала прически – и время от времени уединялась в кухне с очередной клиенткой.

Первое, что бросилось в глаза сержанту, – женщина не выглядела испуганной. Да, тревога в глазах, немного смущена. Но не похоже, чтобы здесь и сейчас происходила драка. Наоборот, сержант Малышев буквально окунулся в атмосферу мещанского покоя, уюта и достатка, какие и сам был бы не прочь иметь – и займет, если накрепко вцепится в службу. А он такой: если во что-нибудь вцепится – не оторвешь.

– Сержант Малышев, – не столько представился, сколько выплюнул он. – Полицию вы вызывали?

– Может, хватит уже звонить? – В голосе женщины прозвучало раздражение.

Это еще больше насторожило видавшего виды Малышева. Не так уж она и рада их быстрому появлению, и вообще, она скорее утомлена, чем напугана, и очень хочет, чтобы полицейские поскорее выполнили свою работу. Да только работы для себя Малышев тут не видел. По крайней мере пока.

– Что тут у вас произошло? – ровным тоном поинтересовался Малышев.

– У нас? – переспросила женщина, и снова сержант уловил неестественность. Она точно знает, что полиция приехала именно туда, куда следовало, но все еще не уверена, нужны ли ей здесь копы.

Сержант Малышев не успел ничего сказать – из кухни в прихожую на зов нескончаемого звонка вышли двое мужчин.

«Тоже напряжены», – прочитал сержант по их лицам. На миг задержал взгляд на одном из мужчин, и все встало на свои места. Даже если здесь что-то произошло, то завершилось примирением, и теперь эти люди не знают, как спровадить наряд полиции, а ему, сержанту Малышеву, явно найдется здесь работенка. Потому что он раскусил одного из мужчин.

– Хорош, – бросил Малышев Пруднику через плечо.

Тот послушно убрал палец с кнопки, поправил автомат и тоже вошел в прихожую, оставив входную дверь открытой.

– Так вызывали или нет? Будем оформлять ложный вызов? – сурово поинтересовался сержант Малышев, глядя в упор на мужчину, о котором уже знал все, кроме имени.

Потому что за свою пусть пока и не очень долгую, но довольно насыщенную службу он научился распознавать бывших зэков даже в толпе. Не важно, сколько лет они провели за колючкой и за что. Важно то, что бывших зэков не бывает; эту простую истину Малышев всегда держал в голове и убеждался в ее справедливости великое множество раз. Тот, кто хоть однажды топтал зону, всегда будет иметь арестантский вид и, главное, смотреть по-особому.

Окинув незнакомца быстрым взглядом, Малышев пришел к выводу: этот освободился совсем недавно. Шрам на левой щеке не показатель. Дело даже не в волосах, которые еще не успели как следует отрасти после далеко не модельной, но практичной стрижки на зоне. Под машинку сейчас многие стригутся. Джинсы и свитер не из «секонда», а «с нуля», хотя на человека с деньгами незнакомец не тянет, но это тоже ни о чем не говорит. Хотя именно вчерашние зэки, выйдя на волю, спешат обновить свой гардероб, чтобы почувствовать свободу в буквальном смысле *на себе*. Дело в его реакции на появление ментов в форме – незнакомец сумел ее сдержать, но опытный глаз сержанта все зафиксировал.

В голове Малышева уже начал складываться простенький, как и все прочее в патрульной работе, пазл. Их вызвали на драку, драки почему-то нет, но народ в квартире напряжен, а среди троих граждан, которые здесь находятся, один – явно бывший заключенный. Причем зона для него – вовсе не далекое прошлое.

«Сейчас у него не окажется документов, – предвкушал развитие ситуации сержант Малышев. – Придется предложить ему проехать в райотдел для установления личности, он начнет сопротивляться – как так, свобода же! – и тогда этот бычок узнает, на кого нарвался и кто тут давно ждет возможности показать, кто есть кто на этом свете».

Малышев оценивал ситуацию и делал выводы моментально, за что и был удостоен фото на Доске почета. Он, несомненно, причислял себя к тем, кто родился на свет с полицейской чуйкой. Но того, что произошло в следующее мгновение, даже он не сумел предвидеть, настолько все это было лишено логики.

А главное – началось все быстро, стремительно, моментально.

Позже, анализируя ситуацию, сержант пришел к выводу: действовать так, как он действовал, незнакомец с взглядом вчерашнего зэка решил сразу, как только увидел людей в форме.

– Значит, ментов вызвали?

Урка говорил, обращаясь к женщине и одновременно всем корпусом поворачиваясь к другому мужчине – упитанному, рослому, в синем пуловере ручной вязки. Тот был выше урки на полголовы и выглядел слишком надежным, смирным и законопослушным, чтобы ввязываться в какие бы то ни было конфликты. Вопрос был задан не для того, чтобы услышать ответ: он либо знал его заранее, либо просто не желал слышать никаких неуклюжих пояснений.

За словом последовало дело: коротко размахнувшись, урка резко, с большой силой, вполне профессионально утопил кулак в самую середину натянутого на уютном брюшке синего пуловера.

А когда второй мужчина охнул и начал сгибаться, атакующий отступил на шаг, понадежнее поставил ноги на скользком ламинате и следующим, не менее прицельным ударом засадил ему точно в центр лица.

Он хотел расквасить нос противнику – и расквасил. Нос у рослого мужчины был слабоват, но даже и более надежный вряд ли выдержал бы такой без преувеличения пушечный удар костистого кулака.

Кровь брызнула на пол, окрасила кулак зэка.

– СЕРГЕЙ!!! – отчаянно вскрикнула женщина, причем полицейские так и не поняли, к кому она обращается: к тому, кто ударил, или к тому, кому досталось.

Но бросилась она все же к тому, кого ударили. И хотя их разделял всего шаг, на ее пути успел вырасти урка: перехватил ее поднятую руку, резко развернул вопящую женщину, заломил руку ей за спину и тут же с силой втолкнул в комнату. Все это заняло не больше десяти секунд, и когда сержанты наконец ринулись исполнять свои непосредственные обязанности, бывший зэк, к огромному удивлению обоих, двинулся на них с голыми руками, держа кулаки сжатыми для ближнего боя.

Соппротивление при задержании!

То, что доктор прописал замученным бытом сержантам Малышеву и Пруднику.

Пустив в ход дубинку, старший патруля огрел-таки ею урку по плечу и в то же мгновение почувствовал: нападающий неожиданно перехватил инициативу. Потому что на редкость грамотно воспользовался теми преимуществами, которые дает стычка в тесноте, в данном случае в прихожей и коридоре стандартной двухкомнатной квартиры. С одной стороны, против него было четверо, включая женщину, но с другой – в крохотной прихожей все желавшие дать ему в морду стали мешать друг другу. А урка тем временем шаг за шагом приближался к открытой двери.

– НАЗАД!!! – раздался позади крик Прудника, и, поняв, что надо реагировать, Малышев развернулся, отступил и прижался к стене, держа дубинку наготове.

Но она пока не понадобилась. Сержант Прудник уже сорвал с плеча автомат – укороченный калаш, десантный вариант – и направил ствол на урку. При виде оружия женщина мгновенно умолкла, мужчина в пуловере перестал стонать, и в этой тишине сухо лязгнул затвор.

– Стой, где стоишь! – приказал Прудник. – Руки вверх! На колени! Спиной ко мне!

Урка остановился и смерил сержанта насмешливым взглядом:

– Так, значит? А ты и в самом деле стрельнешь, салага?

– Только пошевелись – увидишь.

– Ну и напугал. Знаешь, сколько бумажек потом придется накатать для начальства?

– Пасть закрыл! Руки вверх, на колени!

– Да слышал я. – Спокойствию урки можно было позавидовать. – Что, дорвался до оружия? Куда стрелять будешь? В меня, в потолок – куда? Ты в курсе, что тут пули так срикошетят, что в этом коридоре по-любому при таком раскладе останется не один труп. Или раненые, если повезет. Давай, валяй!

– Заткнись! – снова гаркнул Прудник.

– Значит, так, – проговорил зэк, причем в его голосе не осталось ни следа агрессии. – Ты опускаешь ствол, только медленно, потому как, не дай бог, палец на спусковом крючке дернется и тогда кое-кому тут кранты. Я ж про рикошет тебе говорил. Или и сам знаешь? А может, все-таки просачковал инструктаж, а, сержант?

Малышев, несмотря на критичность ситуации, вдруг уловил в манере говорить и интонациях противника что-то знакомое, однако в такой обстановке никак не мог припомнить, где и когда ему доводилось сталкиваться с чем-то подобным. Причем не однажды, а несколько раз. На его глазах такие переговоры – именно переговоры! – уже велись.

Его мысли и выводы сейчас не поспевали за действиями противника.

– Ну как, договорились, сержант? – Теперь урка говорил уже ласково, как опытный отец уговаривает сына-подростка сказать, где и с кем он накануне надрался до пороссячьего визга. – Давай, потихоньку опускай ствол, не играй с огнем. Нормально поговорим, выясним, кто тут прав, а кто – нет.

Мужчина в пуловере, тяжело дыша, оперся о стену, прикрыв окровавленной ладонью разбитый нос.

Женщина шмыгала носом, дрожала и все время хваталась за плечо – очевидно, вывихнутое.

Сержант Малышев покрепче стиснул рукоять дубинки в правой руке. Урка зубы заговаривает, это ясно. И делает это слишком профессионально для простого сидельца, отмотавшего срок за уличное ограбление или нанесение тяжких телесных. По возрасту и ухваткам незнакомец не подходил и под категорию лиц, причастных к наркобизнесу.

Но прежде чем в голове Малышева шевельнулась единственно верная, хотя и невероятная в таких обстоятельствах догадка, все закончилось.

– Ну что, поговорим? – Урка сделал полшага вперед.

– Стоять! – рявкнул Прудник и угрожающе повел стволом.

– Слушай, сержант, говорю тебе – не балуйся! А, ясно – он же у тебя на предохранителе, вот почему ты такой раскованный. Проверь, а?

Взгляд Прудника невольно метнулся туда, где находился предохранитель автомата.

Бдительность он утратил всего на секунду.

Этого вполне хватило противнику.

Он молниеносно прыгнул вперед, правой рукой перехватил ствол, резко отвел его в сторону, а левой наотмашь врезал сержанту, буквально отшвырнув его от автомата. Ремень соскользнул с плеча Прудника. Теперь урка держал калаш за ствол, а затем – р-раз! – мгновенно взял его наперевес.

Женщина не смогла сдержать отчаянный крик.

Сержант Малышев сам удивился тому спокойствию, с каким смотрел в нацелившийся на него черный зрачок ствола.

– Говорю же – салабон, – донеслось до него, как сквозь слой ваты. – Службы ни хрена не знает. С предохранителя не снял, дятел! Понабирают вас...

Затем урка спокойно опустил оружие и бросил его на пол, под ноги Малышеву.

– Вот так-то, господа сержанты. Дайте одеться и ведите куда следует. Вас же за этим вызывали, нет?

С этими словами он взглянул на избитого мужчину в пуловере и на женщину, по щекам которой текли два ручейка слез, но она не спешила их вытирать.

А Малышев обиделся, хотел сказать, что давно служит, вот только наново аттестовали, да слова застряли в горле. Что-то подсказывало: этот тип *служил* еще дольше.

Обменявшись рукопожатием с дежурным капитаном, оперуполномоченный уголовного розыска Конотопского городского ОВД Андрей Шпола забрал у него рапорты потерпевших сержантов и устроился с ними там же, в дежурной части, на потертом диванчике.

– Ничего не выйдет, – сразу предупредил дежурный.

– А я пока еще ничего и не делаю, – отозвался Шпола подчеркнуто равнодушно, торопливо просматривая исписанные листки.

В дежурной части, кроме капитана, толклись еще какие-то менты в форме и штатском. Однако появление сыщика было замечено только дежурным и усатым старшиной, устроившимся в углу. Остальные то входили, то выходили; в зависимости от настроения и степени знакомства пожимали оперуполномоченному руку или просто кивали. Сегодняшнее происшествие было и в самом деле неординарным, однако же ничего такого, что могло бы привлечь всеобщее внимание, не случилось.

Дочитав рапорты, опер повертел их в руках, словно надеясь узреть между строк что-то еще, возможно, недоступное его разумению, а затем с подчеркнутой аккуратностью уложил исписанные листки себе на колени.

– Ну? – спросил старшина.

– Какое там «ну»! – отмахнулся Шпола. – Молоды еще твои парни, чтобы Серегу Горелого знать. Сколько они у нас – где-то года три, не больше?

– Малышев – с две тысячи двенадцатого. Прудник пришел на год позже, кажется...

– Все равно они против Сереги пацаны, – сказал Шпола. – Он же твоего Прудника на раз сделал. Обезоружил по всем правилам, как в учебнике. Если хочешь, я тебе как-нибудь расскажу, как Горелый в одиночку на крыше Колю Ветра взял, а Колю Ветра не знать – это уже грех.

– Еще бы! – вмешался в разговор оперативник в штатском. – Это ж у него при обыске «муху» нашли, гранатомет то есть. Одноразовая штука, правда, но тот на допросе так сказал: «Что было, то и купил».

– Коля Ветер, когда в девяностых пошли смутные времена, в Чечне год провоевал, – напомнил Шпола. – И черт его разберет, на чьей стороне: не то за федералов, не то за чеченов. Одни так говорили, другие этак. Но ни Москва, ни Грозный нашего Колю в розыск не объявляли. И на такого зверя капитан Горелый в одиночку попер. С табельным «макаром» против, на секундочку, помповика... Так что у сержантов ваших шансов было ноль.

– Если б я Серегу лично не знал, я бы тебе, Андрей, не звонил, – буркнул дежурный. – Закрыли бы мы его тут и оформили по полной программе. Можешь поверить – он бы после этого с большой охотой на зону вернулся. Как на курорт.

– Не-а, – покачал головой сыщик. – Конотоп, Гриша, город небольшой. Поэтому нашего брата мента здесь сравнительно немного. Ну а таких, как Горелый, вообще с десятков... Ладно – два десятка. Было.

– Андрей, он все-таки бывший сотрудник, – напомнил усатый старшина, и в его устах это прозвучало даже как-то торжественно.

– Сотрудник-то он бывший, да, – легко согласился Шпола. – А вот ментов бывших не бывает, как говорят в селе, откуда родом моя жена. Горелый не затеряется, это я тебе говорю. Или из наших его кто-то опознает, или кто-нибудь из контингента. Так или иначе, а до розыска информация дойдет.

– Ты хочешь сказать, что мы его просто так отпустим? – Дежурный капитан удивленно поднял брови. – Слушай, Андрей, на нем вторжение в чужое помещение, драка в нетрезвом виде, нападение на работников полиции, завладение огнестрельным оружием, а ведь он всего десятый день гуляет на воле!

– Его посадили еще при той власти, да и освободили досрочно за образцовое поведение, – напомнил Шпола. – Давайте-ка, мужики, раз уж все мы тут свои люди, начнем с самого начала. Никакого вторжения не было. Это, между прочим, его квартира, из которой бывшая жена Сергея после приговора его по-быстрому выписала. Может, он в гости пришел к ней, к своей бывшей...

– Бывший оперативник, осужденный за превышение служебных полномочий и взяточничество, приходит после освобождения в гости к бывшей жене, – с ухмылкой подытожил старшина. – А она вызывает копов, потому что бывший муж начинает гасить нынешнего. Разумный поступок как для бывшего опера и вчерашнего зэка, разве нет?

– А у тебя на руках заявления потерпевших? Катьки, его бывшей, или этого борова, ее нынешнего? По-моему, претензий к Горелому они не предъявляли.

Не услышав возражений, Шпола продолжил:

– Это, значит, отпадает. Давайте тогда вот об этих цидулках поговорим... – Он потряс в воздухе листками рапортов. – Сержанты Малышев и Прудник действовали непрофессионально. Мало того что Прудник не снял автомат с предохранителя, он допустил, чтобы оружием завладел... ну, скажем, преступник. Если Горелый их обоих сделал, как котят, не факт, что никто больше не сумеет повторить этот его «подвиг». А до какого-нибудь дотошного начальства наверху вся эта история рано или поздно дойдет. И поскольку в этом деле заме-

шан Горелый, поверь, это произойдет очень быстро. Я вам, мужики, сейчас не о Сергее – черт с ним и его выбрыками. Речь об этой парочке сержантов. Одному двадцать пять, другому вообще двадцать два. У обоих жены и дети. У Прудника, как я по ходу выяснил, вот-вот родится второй ребенок. Из полиции их, ясное дело, не попрут – сами знаете, кадровый кризис, но крови пацанам попортят немало. Им это нужно?

Старшина полез в карман форменных брюк за сигаретами, нашарил мятую пачку, метнул сигарету в рот, закурил и отвернулся к окну, за которым темнел сумрачный и сырой ранний март.

– Ну так как? – выдержав внушительную паузу, поинтересовался Шпола.

– Вы там, у себя в розыске, всегда вот так ловко дела закрываете? – наконец буркнул старшина.

– Вернее, не открываете, – уточнил дежурный.

– Зачем дурную работу делать? – легко согласился Шпола. – Давайте по-честному, мужики: у этого происшествия – никаких перспектив. Максимум – оргвыводы для некоторых его участников. А Горелому хуже, чем есть, уж точно не будет.

– И какие предложения? – спросил дежурный.

– Считать все случившееся учением в обстановке, максимально приближенной к реальной. Слушайте, вы что, всерьез считаете, что Серега Горелый мог начать валить всех подряд из калаша? Могу с кем угодно забить на ящик коньяка, что до суда это дело не дойдет! А раз нет судебной перспективы – на фига козе баян?

Дежурный и старшина переглянулись. Остальной народ, толкавшийся в дежурной части, казалось, не обращал внимания на эти разговоры. Подобные дела здесь, среди своих, обсуждались и решались довольно часто.

– Я, вообще-то, даже еще и не оформил его... – начал было капитан.

– Давайте, мужики, не будем торговаться. – Шпола поднялся. – Взять со вчерашнего зэка нечего. Решать такие вещи за пару пузырей тоже не дело. Все же знают Горелого, верно? А эту макулатуру мы просто порвем – и в корзину. Лады?

Капитан пожал плечами:

– А мне что, больше всех надо?

– Ну так давай его сюда!

Дежурный безошибочно выбрал в ряду кнопок на панели нужную, снял черную эбонитовую трубку и произнес вполголоса в микрофон:

– Слышь, где там у нас Горелый сидит?

Пауза.

– И как он?

Короткая пауза.

– Да ничего особенного. Давай, выводи с вещами. – Не сдержался, добавил с ухмылкой: – Тут мамка за ним приехала. Сейчас сиську даст...

По такому поводу Шпола радостно разодрал пополам оба рапорта.

Потом – еще раз пополам.

Вмурованные в казенную стену часы показывали без четверти девять – время, когда начинает стремительно расти активность не только Конотопского городского отдела полиции, но и городских, районных, межрайонных и линейных отделов и отделений во всех городах, местечках, поселках и даже селах Украины. В этом работа конотопской полиции не отличалась от работы, которую делали коллеги в Шостке, Шепетовке, Сторожинце, Голый Пристань, Нежине и, уж тем более, в Киеве.

С девяти вечера и до часу ночи камеры предварительного заключения гостеприимно распахивают свои двери для алкоголиков, мелких воришек, наркоторговцев, которых свозят

из ночных клубов или задерживают на вокзалах, где всегда толчется всякий случайный люд. Везут сюда также иностранных граждан без документов и даже с документами, но требующими тщательной проверки. Святое дело – основательно «прокачать» какого-нибудь темнокожего или желтолицего с точки зрения возможности содрать с него или с его земляков-соплеменников выкуп. Не столь часто и не в таких количествах подвозят и проститутток – не тех, которые разъезжают в такси от клиента к клиенту, и, уж конечно, не тех, вполне ухоженных и благоухающих недорогой, но приличной парфюмерией, что пасутся в кафе при отелях и саунах. Нет, сюда везут ветеранок профессии: расплывшихся, с больной кожей, потрескавшимися от холода руками и подбитыми глазами, раскрашенных копеечными румянами, как снежные бабы нашего детства кусочками свеклы, и носами, цветом напоминающими лежалую морковь. Так выглядят и тридцатилетние, и сорокалетние привокзальные шлюхи-алкоголички, готовые исполнить любое желание клиента за двести граммов «паленки» в придачу к сотне гривен. И уличные наркоманки, чей верхний возрастной предел едва достигает двадцати пяти, потому что начинают они в шестнадцать – через год после того, как сделали первый укол «драпа», и через полгода после смерти от передоза того, кто вместе с первой инъекцией стал их первым возлюбленным. На панель их выставляют мелкие наркодилеры, которые по совместительству становятся такими же мелкими сутенерами, а спустя пять лет у этого «товара» окончательно истекает «срок годности».

Поэтому польза от таких задержанных – только в количестве, поскольку план по задержаниям за сутки никто еще не отменял, а порой начальство даже требует его перевыполнения.

Среди всей этой довольно унылой человеческой массы, конечно, встречаются яркие исключения, но в целом контингент настолько однородный, что в журналах регистрации задержанных по всей стране можно смело менять имена-фамилии, но род занятий и характер деяний останется одним и тем же.

Утром, обычно часов в девять, всех выпускают – как любят пошутить сами менты, «до вечера». В КПЗ остаются только иностранцы, которые еще не успели откупиться, и молодые пацаны, пойманные в районе вокзала с «кораблем» конопли в кармане. За них еще пару дней будут вестись с виду вялые, но упорные торги. Так все и движется по замкнутому кругу, созданному не нами и не сегодня и который еще не скоро удастся разомкнуть.

Когда Сергея Горелого вывели из камеры, двое патрульных как раз затаскивали в райотдел очередного пьяного. Шпола посторонился, пропуская их. Однако задержанный, который по пути сюда вел себя не агрессивнее, чем мешок с картошкой, внезапно, словно осознав, что угодил в полицию и сейчас его затолкают в душную камеру к таким же, как он сам, разразился длинной возмущенной тирадой, состоявшей из виртуозного безадресного мата, и предпринял попытку вырваться. Молодые патрульные не сумели его удержать, и пьяный, к тому же здоровенный мужик, потащил их за собой на пол, словно якорь – легкие суденышки.

Куча мала, образовавшаяся между Горелым и Шполой, помешала их встрече и даже как-то смазала ее. Когда Горелый обогнул груды тел, мужчины обнялись не радостно и крепко, как следовало бы, а наспех, будто не пять лет прошло после их последней встречи и один из них только что не вытащил другого из серьезной передраги. Выглядело это так, словно оба исполняли какой-то обязательный ритуал.

– Ничего не меняется. – Горелый указал на кучу малу.

– Без тебя – никак, – развел руками Шпола.

– Нет, Андрей, пусть уж лучше все это без меня.

Он снова кивком указал на злых и расхристанных патрульных, которые без особого успеха пытались поднять с пола задержанного, напрасно ожидая помощи со стороны. Все, кто в это время находился в дежурной части, включая капитана, который лишь кивнул Сер-

гею, наткнувшись на его взгляд, продолжали следить за усилиями молодых патрульных с азартом футбольных болельщиков.

– Ты как? – Шпола уже приметил рубец на правой щеке Горелого, не слишком глубокий, но довольно заметный. Раньше этой характерной приметы у друга не было. – Что, наши подарили?

– Наши, – подтвердил Горелый. – Только не ваши, а именно наши.

Чтобы нагляднее показать, насколько широким является это понятие, Горелый изобразил обеими руками неправильной формы окружность.

Запахавшиеся патрульные тем временем принялись советовать, что делать с тушей, которая, наконец-то унявшись, развалилась на полу.

– Он сейчас уснет, парни, – предупредил Горелый.

– Я ему, блин, сейчас засну!.. – отозвался один из патрульных, даже не взглянув на непрошеного советчика.

– Так в каком смысле «наши»? – переспросил Андрей, дернув друга за рукав куртки.

– В самом прямом. Осужденный мент – хоть он вроде бы и зэк – на самом деле все равно мент, – пояснил Горелый. – Там, где я сидел, все наши. Только порядки как на черной зоне¹. В общем, была одна история... – Он коснулся шрама кончиками пальцев. – Слушай, мы чего тут стоим?

– Ты мне лучше скажи, какого черта ты вообще здесь оказался?

– А, это... – Горелый отмахнулся.

Пьяный на полу глухо застонал, после чего его бурно вывернуло.

– Твою ж мать! – в один голос взвыли патрульные.

Зрители дружно заржали. Правда, хохот довольно быстро оборвался – в заблеванном полу дежурной части не было ничего смешного. В бессильной ярости один из патрульных засадил задержанному носком ботинка, что только вызвало у того новый рвотный спазм.

– Это уже кое-что, – заметил Горелый. – Теперь дело пойдет.

– Какое еще дело? – На этот раз патрульный развернулся, чтобы посмотреть, кто тут такой умный.

– Такое, как надо. Сейчас проблюется и малость придет в себя. Сможете даже с ним поговорить.

– На хрен мне эти разговоры? – огрызнулся патрульный.

– А на хрен ты его сюда притащил? – парировал Горелый.

Ответа ни у одного из патрульных не нашлось. Возможно, только теперь оба начали осознавать глубинный смысл поставленного вопроса: они, и в самом деле, привезли с собой нудную и кропотливую работенку, подхватив с тротуара крепко вмазавшего мужика, который не совершил ничего противоправного, за исключением злоупотребления спиртным.

В этот момент дверь дежурного отделения распахнулась и из влажного мартовского сумрака в помещение шагнул мужчина.

Новый посетитель был одним из тех сотен тысяч, если не миллионов невысоких русо-волосых мужчин среднего возраста, которые носят мушкетерские бородки и при этом тщательно бреют усы.

На фоне сыскаря Шполы в потертой, но все еще добротной кожанке, Горелого в теплой камуфляжной куртке, купленной на вещевом рынке в Конотопе, расхристанных потных пацанов в форме и задержанного на полу, облаченного в когда-то светлый длиннополый плащ, этот господин с бородкой выглядел явлением с другой планеты.

¹ Зона, которую контролируют уголовные авторитеты. (Здесь и далее примеч. перев.)

Занятые своими проблемами Шпола и Горелый, может, и вовсе не обратили бы внимания на «мушкетера», если бы он, немного потоптавшись на месте (как бы собираясь с важными мыслями и намереваясь сделать шаг, на который долго не решался), сам не обратился к ним:

– Прошу прощения, а мне куда?

Вопрос прозвучал так непосредственно и наивно, что Горелый не нашел ничего лучшего, как ответить в тон:

– Туда!

– Нет, я серьезно, – проговорил «мушкетер».

– Ну так и я серьезно!

– В зависимости от того, что у вас за дело, что вам требуется, – вмешался Шпола.

Прогноз Горелого тем временем сбывался. Пьяный начал мало-помалу приходить в себя и адекватно воспринимать окружающее. Поднявшись на четвереньки, он тряс головой и стонал, соображая, куда попал и что успел натворить. Патрульные пока не трогали его: все худшее, что могло случиться с ними этим сырым вечером, уже случилось.

– Жизни и смерти, – вдруг произнес «мушкетер».

– В каком смысле – «жизни и смерти»? – не сразу включился Шпола.

– Речь идет о жизни и смерти, – терпеливо пояснил мужчина и добавил: – Моей. Я должен умереть. Мне сказали...

– Уважаемый, – со вздохом произнес Горелый, – если бы каждому из нас не пришлось когда-нибудь умереть, на планете Земля давно уже не было бы свободного места. И все мы, – он жестом обвел присутствующих, – начали бы убивать друг друга гораздо чаще, чем это случается теперь. Без смертей человечеству попросту стало бы тесно.

– Я вижу, вы меня не понимаете. – «Мушкетер» буквально излучал терпеливость. – Поэтому и спрашиваю, куда мне пройти, чтобы кто-нибудь выслушал меня и принял хоть какие-то меры.

– Какие именно? – Шпола уже жалел, что ввязался в этот разговор. Среди девяноста тысяч жителей Конотопа наверняка есть с десяток еще незнакомых ему городских сумасшедших.

– Чтобы я не умер, – лаконично ответил «мушкетер».

Задержанный пьяница тем временем с трудом поднялся на ноги, с отвращением разглядывая свои загаженные ладони.

Андрей решительно извлек из кармана служебное удостоверение:

– Уголовный розыск. Капитан Шпола, «убойный» отдел. Говорите четко: что с вами произошло? И что там насчет жизни и смерти? Вам угрожают? Кто именно? По какой причине?

Столь решительный натиск вынудил «мушкетера» попятиться.

– То есть вы занимаетесь расследованием убийств, я правильно понял?

– Правильно.

– А ваш коллега? – Он перевел взгляд на Горелого.

– И мой коллега. – Шпола бросил взгляд на Сергея, ожидая возражений с его стороны, но их не последовало.

– А заявления вы принимаете?

– Если вам стало известно о готовящемся преступлении и вы хотите его предотвратить, заявление у вас примет дежурный по ОВД. А затем мы начнем разбираться, что к чему. Если, конечно, это по нашей линии.

– Вот и я не знаю, – все еще колебался «мушкетер». – Пока что мне просто сказали, что я должен умереть.

– Значит, все-таки угрожали? – снова спросил Шпола, постепенно теряя терпение.

– Да нет... Просто сказали.

– Вас пытались запугать?

– И не запугивали. Знаете, я, наверно, напрасно пришел... Хотя... кто его знает... Я только хотел оставить заявление... Чтоб было в полиции на всякий случай... Что это я не сам, не своей рукой... Если что-то вдруг...

Тон «мушкетера» все меньше нравился Горелому. Слегка оттеснив сыскаря камуфлированным плечом, он коротко спросил:

– Как вас зовут? Документы у вас с собой?

– Звать меня Коваленко Николай... Иванович... Да, Коваленко... Проживаю здесь, в Конотопе, предприниматель... А знаете, я как-то не подумал, что надо прихватить паспорт...

– Почему вы пришли именно сейчас и почему сюда, в полицию? – Разговор постепенно превращался в допрос.

– Так я же говорю: мне напорочили скорую смерть. Неделю назад... Нет, пять дней назад, пять... Когда и как я умру, не сказали, просто предупредили.

– Кто?

– Женщина.

– Ваша жена?

– Нет, посторонняя женщина. Чужая. Гадалка.

Мужчины переглянулись. В их практике до сих пор не было ни единого случая, чтобы человек от гадалки сразу шел в полицию.

– Вы хотите заявить на нее? – уточнил Шпола.

– Не на нее, она мне ничего плохого не сделала, – принялся обстоятельно пояснять Коваленко. – Просто я не верю во все это... В ворожбу, гадание, пророчества, судьбу, карму...

– Зачем же тогда вы к гадалке ходили? – поинтересовался Горелый.

– Жена посоветовала. Сама к ней ходит и меня уломала. Мол, беспокоит ее мое душевное состояние. Ну, оно и меня беспокоит. Кризис, бизнес сыплется на глазах...

– И все-таки вы пошли?

– Пошел. Ну, я все равно в это не верю. Но только ее пророчество, или предсказание (не знаю толком, как это называется), звучало довольно убедительно. Но я умирать не собираюсь. Поэтому и решил написать на всякий случай заявление, зафиксировать официально: «Я, Николай Коваленко, был предупрежден о том, что в самое ближайшее время уйду из жизни». Примут, как вы думаете? Вы же специалист, убийствами занимаетесь...

Мужчины снова переглянулись.

– Убийствами – но не *смертями*, – проговорил Шпола. – Смертями занимается морг. Умереть человек может от чего угодно, люди – существа хрупкие.

Он хотел было добавить еще что-то, но в кармане у него подал голос мобильник. Увидев имя абонента, высветившееся на экране, сыскарь показал телефон Горелому.

– Давай-давай, – шутливо подбодрил тот друга. – Начальство звонит, это тебе не хухры-мухры.

Патрульные, обступив пьяницу, наперебой пытались что-то ему втолковать.

Коваленко умолк, словно ожидая, что новые знакомцы дадут ему какой-то совет.

– Слушаю, – отозвался Шпола. Некоторое время он и в самом деле слушал, потом взглянул на Горелого. Наконец проговорил: – Здесь. Мы еще в горотделе... Хорошо... Да, будем. Есть!

Он еще не успел закончить разговор, а Горелый уже отрицательно качал головой. Как только Шпола замолчал, он произнес:

– Не выйдет. Собственно, ты – как знаешь. Езжай, куда позвали. Хотя... Это ж начальство, тут хочешь не хочешь, а придется...

– Серый, напрасно ты так. – Опер моментально утратил интерес к чудаку, которому кто-то напророчил безвременную кончину. – Я все понимаю, но это не тот случай. Семенович в самом деле хочет помочь...

– Однажды уже помог, – резко оборвал его Горелый.

Дверь дежурной части снова распахнулась. Потеснив «мушкетера» Коваленко, который так и торчал на проходе, терпеливо ожидая неведомо чего, в помещение головой вперед ввалился мужчина в очень грязном пальто, его руки были скованы за спиной наручниками. Эти самые руки удерживал в почти вертикальном положении дебелий разгоряченный сержант без фуражки. Его фуражку комкал в руке напарник – с виду помоложе и не менее возбужденный. Известный прием, примененный сержантом, вынуждал задержанного согнуться пополам и продвигаться вперед, пиная коленями воздух перед собой.

«Суставы точно придется вправлять», – машинально отметил Горелый. Ему и самому не раз приходилось именно таким способом вынуждать задержанных двигаться в заданном направлении. Мужчине было очень больно – он глухо выкрикивал что-то невнятное. И хотя ни одним из языков народов Кавказа бывший сотрудник уголовного розыска Сергей Горелый не владел, он, по крайней мере, мог точно определить – в дежурную часть приволокли, скорее всего, очередного за этот вечер кавказца.

– Нарасно ты так, – повторил Шпола. – Зарудный говорит...

– А мне плевать, что там несет твой Зарудный! – снова оборвал друга Горелый. – Хочешь – вали к нему сам. Выслушаешь и мне перескажешь. А я подумаю, что и как.

– По-моему, Серый, не в той ты ситуации, чтобы становиться в позу...

Горелый краем глаза отметил: Шпола все еще держит трубку возле уха, слегка отстранив ее от себя. Сознательно или нет это было сделано, но тот, кто звонил Андрею, мог слышать весь их разговор. Задержанный кавказец вопил во всю глотку, на повышенных тонах ругались патрульные с пьяным мужичком, поэтому говорить приходилось громко, чтобы перекрыть весь этот гам.

– Слушай, может, о моей ситуации мы в каком-нибудь другом месте потолкуем? – Горелый пошевелил плечами, словно здесь внезапно возникла давка.

– Алло! – Шпола вернулся к прерванному разговору. – Да... Да... Хорошо, понял...

Сунув телефон в карман, он вздохнул:

– Сказал ему, что ты сегодня не в духе. Он сам попозже тебя найдет.

– Разыщет, – поправил Горелый. – Все начальники когда-то тоже были следаками. Так мы идем?

– А как же я? – осторожно поинтересовалась жертва пророчества.

Погрузившись в выяснение им одним понятных обстоятельств и отношений, мужчины совсем забыли о чудаке, который упорно продолжал ждать, когда на него обратят внимание. Собственно, он перестал интересоваться Сергея Горелого: за годы работы в розыске ему приходилось сталкиваться и не с такими фруктами. Но сейчас бывшего мента и совсем еще недавнего зэка меньше всего занимали проблемы городских сумасшедших, тем более что их решение сейчас зависело не от него.

А вот Андрей Шпола, также сыщик с немалым опытом, подсознательно понимал: один из десятка таких вот сумасшедших действительно может сообщить любопытные вещи, которые только на первый взгляд могут кому-то показаться бредом не вполне адекватного субъекта. Но в данный момент Шпола, во-первых, был не при исполнении, а во-вторых, считал своим долгом окончательно разругать ситуацию, в которой оказался его близкий друг, причем по собственной дурости.

– Пройдите к дежурному, напишите заявление. – Андрей кивком указал в сторону стеклянной перегородки дежурной части. – На имя Зарудного. Управление внутренних дел

города Конотопа, начальнику уголовного розыска подполковнику полиции Зарудному Владимиру Семеновичу. Дальше излагайте все, что вам известно. Вперед!

Было непонятно, кому он скомандовал «Вперед!» – странному посетителю или Горелому, которому уже не терпелось выйти отсюда. Каждый отреагировал по-своему: Сергей вышел под морозящий мартовский дождик, а «мушкетер» Коваленко неуверенной трусцой направился к дежурному.

На ходу он отступил, пропуская одного из патрульных, тот волок пьяному ведро с водой и швабру.

Почти пять лет назад капитана полиции, опера «убойного» отдела Сергея Горелого обвинили в превышении служебных полномочий и взяточничестве.

Угодив под программу плановой чистки рядов, затеянной недавно назначенным министром внутренних дел, Горелый не удивился скорому суду и приговору – пять лет лишения свободы с запретом на занятие каких-либо должностей в органах МВД в течение трех лет по окончании срока заключения. Если честно, обратно в органы после всего, что с ним случилось, Горелый вряд ли был готов вернуться, хотя и признавал: ничего, кроме как ловить бандитов и убийц, он толком так и не научился делать.

Кроме того, Горелый понимал еще некоторые вещи. Например, то, что он, раз уж попался, был вынужден искупать грехи чуть ли не всей конотопской полиции, и хорошо еще, что не пришлось потом ответить за всех ментов Сумщины, которые немало успели накосячить за годы пребывания у власти преступников во главе с тогдашним президентом страны. Или то, что для него все могло сложиться гораздо хуже, если бы не вмешался Семенович, он же Владимир Зарудный, в ту пору еще пребывавший в должности начальника «убойного» отдела. Собственно, Зарудного назначили на эту должность в рамках все той же операции «Чистые руки», то есть формально он сменил на ней коррумпированного предшественника. Значит, доверие к Зарудному пока еще было, и он воспользовался этим, спасая, по его словам, задницу Сергея от горячей сковороды.

Если бы «дело Горелого» кто-нибудь взялся раскрутить по-настоящему, по полной программе, то вряд ли Сергей получил относительно мягкий приговор и возможность выйти «на свободу с чистой совестью» досрочно – на целый год! Мелочь, казалось бы, по сравнению со всем остальным, а приятно. Потому что история, в которой он увяз по уши, будь на то чье-то желание или злая воля, могла потянуть на куда более серьезное наказание.

Началось все с того, что Катерина, тогда еще законная супруга Горелого, попросила мужа разобраться в деле одного, по ее словам, «хорошего знакомого». Так сказать, прояснить обстоятельства. Сообщила, кому он приходится родичем, а кому дружбаном, но в то время это не имело для Сергея ни малейшего значения. Он, как и подавляющее большинство сыскарей, не пренебрегал так называемыми заказными расследованиями. В таких ситуациях надо тонко чувствовать грань – когда можно действовать самостоятельно, а когда пора привлекать непосредственное начальство, засылая ему авансом оговоренный процент от гоно-рара, а взамен получая полулегальное прикрытие. Это был именно тот случай, когда Горелый решил рискнуть и обойтись своими силами.

А история оказалась на редкость банальной. На одного конотопского предпринимателя средней руки начали наезжать какие-то отморозки, требуя, чтобы тот взял в партнеры владельца левой фирмы. Это якобы должно было помочь «партнеру» легализовать собственные мутные схемы – там даже фигурировали какие-то связи с российскими контрабандистами, что неудивительно: граница-то вот она, рядом. И если бы в этих схемах не было контрабанды, возможно, все бы утряслось, сотрудничали бы как миленькие. Но предприниматель отказался связываться с откровенной уголовщиной. Слово за слово, посыпались угрозы. В конце концов предпринимателю сожгли машину, после чего он начал искать концы в поли-

ции, поскольку понимал: никто не даст ход официальному заявлению так оперативно, как ему требовалось.

Это уже после капитан Горелый сообразил: далеко не весь расклад был ему известен. Развели его, как пацана. И вовсе не бандюки-отморозки.

Потолковав с протеже жены, Сергей взял пару дней на проверку информации, прояснил для себя ситуацию, порасспросил кого следовало и только после этого решился вписаться в историю. Ничего сложного в ней, на первый взгляд, не было; он подключил еще одного опера, который постоянно был в подобных темах, вместе они задержали по какому-то незначительному поводу отморозков, а подброшенный косяк с анашой сработал безотказно. С этим же коллегой Горелый вывез задержанных в соседний район, запер в камере одного из поселковых отделений полиции и провел с ними воспитательную работу. После этого предпринимателя оставили в покое, Сергей получил заработанное и даже успел подзабыть это вполне рядовое дельце, на которое, даже без особого напряжения, ушло не больше недели.

Ну а через полгода, когда грянули показательные чистки в полицейских рядах, отморозки внезапно превратились в потерпевших и накатали на Сергея Горелого телегу. В ней, в частности, значилось: «Сотрудник уголовного розыска выполнял заказ частного предпринимателя». А частный предприниматель, не будучи дураком, быстренько написал свое заявление: мол, капитан полиции Сергей Горелый организовал на него наезд, а затем предложил услуги по решению вопроса, затребовав сумму, отличающуюся от реально полученной ровно в два с половиной раза – естественно, в сторону увеличения.

Нет ни малейших сомнений, что и конотопское, и сумское, и даже киевское полицейское начальство прекрасно понимало истинное положение вещей. Оттого и Зарудный подключился моментально, пояснив Горелому то, что он, в принципе, знал и сам: если не взять на себя превышение служебных полномочий и получение взятки, все может кончиться обвинениями в незаконном лишении свободы, крышевании криминальных структур и участии в нелегальном бизнесе. За это суд накрутит много больше. А так все ограничится «пятерочкой», реально – четыре года и «досрочка» при образцовом поведении.

Зарудный также отметил тот факт, что Сергей влип в одиночку. Но если он упрется рогом и дело начнут раскручивать по полной на фоне показательной борьбы со злоупотреблениями в органах, то заметут еще пару-тройку ментов, и тогда нет никакой гарантии, что он, Сергей Горелый, не пойдет в качестве организатора преступной группы из числа действующих сотрудников Конотопского УМВД. «Людей подставишь, – сказал тогда прямым текстом Зарудный. – Тебе-то уже все равно, не отвертишься. Хотя бы коллег пожалей». И напомнил, что подельник Сергея, тот самый опер, с которым брали они отморозков, до сих пор не в деле. Если Горелый будет стоять на своем, придется назвать его имя, а у парня молодая жена, ребенок, и новый министр вроде бы обещал ему к концу года квартиру. Ну не ломать же человеку жизнь!

С этим Сергей согласился. И все взял на себя.

С так называемыми потерпевшими, как и обещал Зарудный, соответствующую работу провели: отморозки заявление свое забрали, остались только обвинения со стороны предпринимателя в вымогательстве.

Позже, уже после суда, Сергей узнал: у его Кати уже давно все закрутилось с этим самым конотопским дельцом. И неспроста она свела его с мужем-ментом. Правда, в ту пору эти отношения были еще весьма неопределенными и опирались только на нежелание Катерины и дальше жить с опером без особых перспектив карьерного роста. Но перспективы – дело наживное, главное – иметь желание и стремление, а желания расти по службе у прирожденного сыскаря Сергея Горелого не было в принципе. Как знать, может, и ушла бы Катерина от мужа к любовнику тихо-мирно, если б не это уголовное дело, резко ускорившее события.

Пока Горелого судили, жена подала на развод и получила его довольно быстро. Заодно и выписала бывшего мужа из квартиры. Любовник перебрался к ней, потому что собственное жилье ему пришлось оставить бывшей супруге: он тоже развелся ради возможности сойтись с Катериной. Уж что там он в ней нашел, бывший опер так и не смог понять. Ну, мало ли, бывает. Кто ее разберет, эту самую страстную любовь...

Освободившись из колонии, Сергей вернулся фактически в никуда. Он был родом из Конотопского района, и в родном селе, носившем красноречивое название Грузское, до сих пор жила его мать. В самом Конотопе проживал его младший брат, недолголюбивавший старшего: сначала – потому что мент, а потом – потому что бомж с сомнительной репутацией. Как бы то ни было, но, перекантававшись после освобождения несколько дней у матери, отъевшись, отпившись и отоспавшись, Горелый приехал в Конотоп и поселился у брата, у которого имелся в предместье неплохой домик, поскольку младший понемногу приторговывал стройматериалами.

Но зачем он поперся к Катерине, что собирался выяснить с ее любовником, Сергей так и не смог четко объяснить сам себе. В начале этой встречи все шло тихо-мирно, без скандала – вполне культурно выпивали. Может, без скандала бы и не обошлось, поскольку, опрокидывая рюмку за рюмкой, Горелый мало-помалу накалялся. Но в какой момент и из-за чего Катерина вдруг втихомолку вызвала полицию, он так и не понял. От ее сожителя вполне можно было ждать чего-то подобного, но вот от бывшей жены...

Ночевать Сергей остался у Шполы.

Лида, жена друга, относилась к нему нормально, даже с симпатией. Она вообще была на редкость терпеливой, не чета другим женам оперов-«убойников». Накрыла скромный стол, сама поставила в центре бутылку, даже выпила с мужчинами «за возвращение», после чего отправилась укладывать четырехлетнюю дочку – малышка родилась как раз в то время, когда Горелого судили.

Мужчины посидели еще часок, основательно добавили и тоже отправились спать.

Утром Сергей проснулся со свинцовой тяжестью в голове, которая стала уже привычной. Еще бы, какой день подряд он не просыхает! В квартире было пусто и тихо. Он неторопливо сполз с гостевого кресла-кровати, побрел в кухню. На столе лежала записка с подробными указаниями: чем позавтракать и где находится припасенное еще с вечера пиво.

Сергей начал с «лекарства». Откупорил бутылку, припал к горлышку. Содержимое убыло наполовину, когда в комнате зазвонил телефон.

Поколебавшись пару секунд, Сергей все же решил взять трубку. Мобильного у него пока еще не было, а это, скорее всего, звонил Андрей – поинтересоваться самочувствием и планами на сегодня. Наверняка знает, что гость уже очухался, а идти ему особо некуда.

– Слушаю! – произнес Сергей.

– У тебя все в норме? – послышался голос Шполы на том конце линии. В нем явно ощущалось напряжение, и это заставило напрячься и Сергея.

– Угу. Спасибо за пиво.

– Не за что. Слушай, помнишь вчерашнего чудика, этого, с бородкой? Которому смерть напроносили.

– А... И что там с ним?

– Умер сегодня ночью... – Пауза. – Убили его.

Часть 2

Невеселая вдова

Как выяснилось, накануне вечером Николай Коваленко так ни о чем в полицию и не заявил.

Дежурный капитан даже толком припомнить не мог прилично одетого человека с мушкетерской бородкой. Сперва его вниманием – да и вниманием всех, кто находился в тот момент в отделе, – завладела суматоха патрульных вокруг пьяного придурка. Потом – это видел и сам Шпола – приволокли агрессивного армянина, который размахивал ножом на стоянке такси рядом с торговым центром. Разумеется, дежурный капитан зацепился краем глаза за мужчину средних лет, беседовавшего со Шполой и Горелым, но не придал ни этой ситуации, ни самому посетителю никакого значения на фоне того, что началось, когда выручать земляка примчались с полдесятка его разгоряченных соплеменников.

Выходит, Николай Коваленко, напуганный пророчеством гадалки, сначала явился в полицию, а затем, потолковав со случайно встреченным сотрудником уголовного розыска, которого наверняка счел компетентным в таких вопросах, решил не писать заявление, не сетовать на предсказание, что, вообще-то, было бы странно, а просто развернулся и пошел своей дорогой.

Как выяснилось позже, навстречу собственной смерти.

Тело предпринимателя обнаружила его жена Галина, которая перед этим всю ночь ждала мужа и не могла с ним связаться по мобильному: начиная с половины одиннадцатого его телефон уныло бубнил одно и то же: «Абонент не может принять ваш звонок...» Так или иначе, но Галина Коваленко оказалась последней, кто говорил с Николаем.

Не считая, разумеется, убийцы.

А опер-«убойник» Андрей Шпола, выходит, оказался последним, кто видел Коваленко живым.

Не считая, опять-таки, убийцы.

Память на любые мелочи, которые могли бы иметь отношение к совершенному преступлению, у Шпола была профессионально натренированной. Поэтому он не слишком напрягался, чтобы уточнить время, когда Коваленко явился в полицию: на стенных часах дежурной части было десять минут десятого. Обстоятельства сложились так, что Шпола мог точно сказать, сколько длилась их беседа и когда они расстались. Разговор с Коваленко был прерван звонком подполковника Зарудного, и мобильник зафиксировал точное время этого звонка – 21.16. Сразу после этого Горелый, а следом за ним и Шпола покинули дежурную часть, оставив Коваленко самостоятельно разбираться со своими проблемами.

Ну а тот спустя пару минут тоже ушел, очевидно, поняв, что полиции сейчас не до него и что его либо высмеют и не примут заявление, либо примут, но не высмеют, а обругают полоумного посетителя, которому явно нечем заняться, иначе зачем бы ему мешать работать серьезным людям. Поэтому Коваленко позвонил жене и предупредил, что отправляется по делам, возможно, задержится и вернется поздно. Пусть она его не ждет и ложится. Ничего странного в таком звонке не было. Бизнес Коваленко в последнее время пошатнулся, и он все чаще выбирался на работу ранним утром, а возвращался к полуночи. Жене он звонил также на сотовый, время разговора было известно – 22.14. Примерно через час Галина набрала его номер, чтобы поинтересоваться, как у него дела и где он сейчас. Абонент уже не отвечал.

Ночью женщина позвонила в полицию – пропал муж! – и получила прогнозируемый ответ: загулял, ждите. Не появится через двое суток – несите заявление, примем. Не зная, как быть, Галина позвонила другу семьи, некоему Олегу Познякову, чтобы тот приехал и хоть

что-нибудь предпринял. Единственное, до чего додумался Позняков, – снова позвонить в полицию, где и получил аналогичную отповедь. Перед рассветом измученная Галина, выпив по настоянию Олега полстакана коньяка, уснула.

Примерно около шести под окнами дома послышался звук проезжающей машины.

Автомобиль остановился. Посигналил.

Коваленко жили в частном секторе, и, если машина останавливалась у их дома и тем более сигналила, это означало одно: приехали к ним. От резкого звука клаксона Галина в испуге вскочила. Позняков, прихватив зачем-то каминную кочергу, поспешил на улицу, но, пока бежал к калитке, машина отъехала.

На мокрой дорожке у калитки лежало мертвое тело Николая Коваленко.

Кто-то выстрелил ему в голову.

Вскрытие показало: смерть наступила между половиной двенадцатого и началом первого ночи. Если понадобится, можно уточнить. Но и этого пока было достаточно.

До утра тело жертвы пролежало на бетонном полу – эксперты обнаружили соответствующие частицы на одежде Коваленко. Следов насилия, не считая проникающего ранения в голову, на его теле не было. Он подпустил убийцу вплотную – следовательно, знал его и, вероятно, ему доверял. Наконец, его тело привезли непосредственно к дому, но не просто вышвырнули из машины, а предварительно предупредили обитателей дома, чтобы те вышли и забрали убитого. Это явно была какая-то демонстрация. И эти действия лишней раз подтверждали: убийца знал не только самого Коваленко, но и его домашний адрес, и, вполне вероятно, мог быть знаком с его женой. А может, и с другом семьи Олегом Позняковым.

И под конец – информация к размышлению. На встречу с убийцей Николай Коваленко поехал сразу после того, как, поговорив с опером Андреем Шполой, решил не писать заявление и не уведомлять органы внутренних дел о недавнем пророчестве по поводу близкой собственной смерти. Вместо этого он предупредил жену о каких-то неотложных делах, хотя всего пару часов назад звонил ей, спрашивая, что купить к ужину, следовательно, он уже направлялся в сторону дома.

Планы его резко изменились после визита в горотдел.

Либо Коваленко о чем-то внезапно догадался, либо...

Так или иначе, но странное предсказание неведомой гадалки подтвердилось с поразительной точностью.

Все это Андрей Шпола выложил вечером Горелому. А перед этим позвонил и попросился еще раз у них заночевать – если, конечно, у Сергея нет срочных дел.

Срочных дел у бывшего заключенного пока не имелось, как, впрочем, и любых других. У Горелого вообще пока не было никаких планов на ближайшее будущее. Не было и желания сходить к своей бывшей и как следует набить морду ее хахалю за вчерашнее. К брату тоже не тянуло, хотя там осталось все его немудреное имущество – сумка со сменой белья и чистым свитером.

Обойдется. С этого момента и до самого вечера мысли в похмельной голове Горелого крутились вокруг истории убийства мужчины с мушкетерской бородкой, которому предсказали скорую смерть. Так же, как и Андрей Шпола, он видел жертву и говорил с ней за несколько часов до убийства. И, следовательно, чувствовал себя в известной мере причастным к этим событиям. Вместе с тем он понимал: кто-кто, а уж освобожденный всего одиннадцать дней назад из мест заключения бывший работник уголовного розыска имеет самые минимальные шансы подключиться к процессу поиска истины.

– И что ты об этом думаешь? – деловито поинтересовался Сергей, когда мужчины наконец-то уселись за стол, отправив Лиду в детскую, и традиционно выпили по первой.

– Пока ничего, – пожал плечами Шпола. – Вообще никто ничего еще не думает. И что тут сенсационного: людей, в конце концов, убивают чуть ли не ежедневно. И ты, Серый, знаешь это не хуже меня.

– Ежедневно убивают тех, кому накануне напророчили смерть?

– Ну, с этим все пока еще довольно мутно, – признался Андрей. – Целый день провозились с окружением этого Коваленко. Человек как человек, все, кто его знал, отзываются о нем позитивно. Лишнего не пил, курить недавно бросил, по бабам не ходок...

– Это тебе жена... то есть вдова сказала?

– Вдова, Серега, пока вообще ничего не в состоянии сказать. Увидела труп в луже – и хлопнулась в обморок. А когда скорая приехала и ее привели в чувство, впала в истерику. Ей вкатили такую дозу успокоительного, что она, даже когда малость оклемалась, все равно в неадекват. До завтра с ней бесполезно пытаться говорить.

– А друг семьи?

– Вот он-то в основном и давал показания. Об убитом – только положительное.

– Ну ясно, друг все-таки... У них что, общий бизнес? Чем вообще Коваленко занимался?

– Интернет, кабельное и спутниковое телевидение. Позняков ему не конкурент: этот в основном на полиграфических услугах специализируется. Реклама всякая, визитки – короче, у обоих бизнес небольшой, но более-менее стабильный. И, по крайней мере на первый взгляд, в делах у них все чисто.

– На первый взгляд... Что, есть сомнения?

Шпола разлил еще по одной. Горелый одобрительно кивнул.

– А ты бы разве не сомневался? – продолжал Андрей. – Была же какая-то причина, чтобы вот так мужика грохнуть. Причем из «ГТ», а в наших палестинах, сам знаешь, это оружие не такое уж уникальное. Кто угодно мог с ним разобраться, и причина могла быть самая чепуховая. Тут самого покойника надо в первую очередь разрабатывать. Уж больно безгрешный, чисто ангел. По крайней мере, так о нем Позняков говорит, да и коллеги, сотрудники, знакомые...

– Машина, из которой труп выбросили, наследила?

– А то! – Призывно подняв рюмку, Шпола одним махом выпил содержимое, похрустел квашеной капусткой и подождал, пока друг сделает то же самое. – Только толку – ноль. Автомобиль, принадлежавший Коваленко, нашли за городом. Никаких следов, ни одного отпечатка. Тот, кто убил, сперва отогнал эту тачку подальше от места преступления, потом выдраил салон, не пожалев времени, чтобы ничего не упустить. Грамотный. Ну а потом занялся утилизацией трупа.

– Марку его машины удалось установить?

– Ну ты, Серый, как маленький! Какой вообще в этом смысл? Допустим, экспертиза скажет: ваш труп доставили к дому... не знаю... ну, на «вольво». Знаешь, сколько этих «вольво» в Конотопе? На самом деле меня куда больше эта ведьма интересует.

– Какая еще ведьма?

– Конотопская. – Андрей криво усмехнулся собственной шутке. – Ходил же Коваленко к гадалке? Выходит, она напророчила, пророчество сбылось. Вопрос: какого хрена его к ведьме понесло? И еще один: откуда такие предсказания берутся? Ты веришь во всякую такую мистику?

Теперь пришел черед Горелого ухмыльнуться.

– Ты же сам назвал все это мистикой, значит, допускаешь, что она существует.

– Пока что это всего лишь совпадение, не больше.

Последняя фраза прозвучала не слишком уверенно.

– Выходит, Андрюха, ты веришь в совпадения? – еще шире улыбнулся Горелый. – Это нормально для тертого опера?

– То есть, – после паузы снова заговорил Шпола, наливая еще по одной, – тут надо либо поверить в потусторонние силы, ведь предсказания всяких там бабок и теток время от времени сбываются, либо согласиться с тем, что, вопреки логике, теории вероятности и нашему с тобой оперативному опыту, подобные совпадения все-таки имеют место быть. И если какая-то ворожка...

– Ведьма, – уточнил Сергей.

– Пусть ведьма, – кивнул Шпола. – Так вот, если какая-то ведьма вдруг от фонаря брякает человеку: «Ты послезавтра умрешь!» – и тот спустя самое короткое время действительно помирает... Ну куда уж реальнее?

– Если раковому больному сказать, что он скоро умрет, это не пророчество. Но и не ошибка. И уж тем более не вранье.

– Коваленко был вполне здоров. Вскрытие это подтвердило. К тому же если б и болел, то это означало бы, что либо ведьма эта каким-то образом определила опасный недуг, либо...

Шпола, чувствуя, что окончательно запутался в лабиринте собственных допущений, вместо того чтобы закончить фразу, выпил. Правда, в последнее мгновение сдержался и только переполовинил рюмку, вместо того чтобы выпить все до доньшка.

– Так или иначе, а придется искать эту ведьму, – выдохнул он.

– Раньше наш отдел вроде бы ведьмами не занимался...

– А кто ими будет заниматься? – моментально парировал Шпола. – Разве что «мошенники»... – Он имел в виду отдел уголовного розыска, работавший с жертвами мошеннических схем, среди которых время от времени попадались пострадавшие от всяких там гадалок и доморощенных гипнотизеров.

– Ну так спросите у жены, то есть вдовы. Ведь Коваленко сам сказал, помнишь – сходить к этой гадалке ему жена посоветовала. Она сама к ней навевывалась. В чем проблема?

– Эта самая Галина Коваленко пока что никому ничего не скажет. – Шпола задумчиво пожевал губу. – Думаешь, я забыл эти его слова? Так что здесь голяк: в шоке она.

– Такой шок, что она не в состоянии назвать имя бабки, к которой мужу посоветовала сходить?

– А почему, собственно, ты решил, что наша ведьма – какая-то бабка?

И в самом деле!

На это Горелый не нашелся, что сказать. Он только молча повертел в руке пустую рюмку и поставил ее на место.

Восприняв это как предложение, Шпола снова взялся за бутылку, но остановился на полпути: взгляд друга заставил его насторожиться. Давно зная Сергея, отпахав с ним в розыске не один год, он почувствовал: в эту минуту мысли бывшего сыщика витают где-то очень далеко от его кухни. И почему, собственно, бывшего? Сыскарь – это пожизненно. Как те же автогонщики. Даже уйдя из большого спорта или разбившись на треке и оказавшись навсегда прикованным к инвалидному креслу, «адский водитель» все равно им и остается. Если кто-то желает в этом убедиться – пусть позволит ему сесть за руль.

Сергей Горелый с этого дня считал, что он «за рулем».

Пусть это и выглядит странно: вчерашний зэк, еще даже не получивший паспорт взамен справки об освобождении, начинает ломать голову над убийством, которое кто-то якобы предсказал. Хотя... Тут есть свои тонкости: напрогнозировать смерть и сообщить человеку, что его вот-вот убьют, – две совершенно разные вещи.

Внезапно Андрею Шполе остро – так, что даже суставы заныли и в висках застучало, – захотелось немедленно услатить друга из города. Подальше от его прежней, дозоновской жизни, чтобы не пытался никуда встрять и не натворил глупостей из желания доказать

самому себе, что есть еще порох в пороховницах, а всем остальным – что рано списали опера, который всегда был не глупее коллег, а сейчас, пожалуй, стал даже умнее их. Во всяком случае Андрей был уверен: сейчас Горелый думает именно об этом. И сам он, позабыв о дружеском застолье, погрузился в совсем другого рода размышления: как бы деликатно и безболезненно спровадить Серого из Конотопа, где некие ведьмы доподлинно знают, кому из ныне живущих вскорости предстоит отдать концы...

Но долго предаваться этим раздумьям ни Шполе, ни Горелому не было суждено. Подал голос телефон, который Андрей предусмотрительно выложил на стол перед собой.

– Семеныч, – проговорил опер, взглянув на экран. – Опять!

– По мою душу, что ли? – уточнил Горелый.

– Мне-то откуда знать? Но сегодня спрашивал о тебе.

– Да мне то что...

Сергей полез за сигаретами, но вовремя вспомнил: теперь, когда в доме появился ребенок, Лида гоняет мужиков с куревом, а Шпола ее поддерживает – сам не курит, даже на балконе. Поэтому, начав в кухне сегодня утром, Горелый после обеда тщательно проветрил всю квартиру, но все равно получил нагоняй от Лиды, когда она вернулась с малышкой из детского сада.

– Слушаю! – Андрей приложил трубку к уху, потом взглянул на Горелого. – У меня. Сидим. Не знаю... – Не прикрыв микрофон ладонью, чтобы Зарудный слышал, что происходит, он проинформировал друга: – Владимир Семеныч собирается прямо сейчас подъехать.

– Ну какой же в городе Конотопе начальник уголовного розыска! Истинный демократ! – язвительно прокомментировал Сергей, намеренно повысив голос, чтобы на том конце линии было слышно каждое слово.

– Может, сам поговоришь? Что мы тут в испорченный телефон играем...

Шпола протянул телефон Горелому.

– Не хочешь! – огрызнулся тот, поднялся и сунул сигареты, лежавшие на краю стола, в карман. – И вообще, пойду-ка я отсюда.

Теперь уже Шпола зыркнул на друга исподлобья. Ситуацию, сложившуюся между Горелым и Зарудным, он знал на явь. И понимал настроение Сергея. В то же время ему совсем не улыбалось превратиться во что-то вроде буферной зоны между непосредственным начальником, подполковником, и другом, который только что отбыл наказание и по сей день еще считается криминальным элементом, пусть и условно-досрочно освобожденным. Потому что бывших эков, как и бывших сыщиков, не бывает.

– Ну, я не знаю... – неуверенно проговорил Андрей в трубку.

Не дожидаясь конца телефонного разговора, Горелый вышел в коридор, снял с вешалки свою пятнистую куртку, натянул ее и принялся шнуровать башмаки. Он успел покончить с левым, когда из кухни появился Шпола.

– Тебе делать нечего?

– Ты о чем это? – Горелый даже не взглянул в его сторону.

– Сам знаешь. Я в дурацком положении. Может, все-таки порешаешь свои дела с Семеновичем сам?

– А у меня с ментовским подполканом нет никаких дел, – в тон другу ответил Сергей, справился наконец со шнурком, притопнул и нахлобучил на голову такого же цвета, как и камуфляжная куртка, кепчонку.

– Куда собрался? К брату?

– И не надейся, – криво усмехнулся Горелый. – Там я еще меньше нужен, чем здесь.

– Не мели языком!

– Я и не мелю... Да не парься ты! Дай вторые ключи, пойду пройду. Покурю, проветрюсь, пораскину мозгами. Я ж весь день у тебя провалялся.

Шпола пожал плечами, снял с гвоздика запасную связку ключей на брелоке-игрушке – дочка выиграла в какой-то детской беспроигрышной лотерее – и протянул Сергею.

– Я бы на твоём месте долго не разгуливал.

– Не бойсь. Малость пошляюсь и приду. Все равно у тебя лучше, чем у братца. – Потом, словно вспомнив что-то, уточнил: – Часа полтора, где-то так...

Сергей Горелый надеялся, что этого времени ему хватит.

По ходу застольного разговора Шпола среди прочего назвал домашний адрес Николая Коваленко. Горелый, хорошо знавший город, мгновенно прикинул: не так чтоб далеко отсюда, а маршрутки в это время еще ходят.

Можно управиться за час. В крайнем случае за полтора.

К концу дня дождь сменился серой завесой тумана. Он уже с обеда начал наползать на город и теперь сделал поздний мартовский вечер не просто темным, а похожим на что-то вроде гигантской порции крепкого кофе с молоком, вернее, с густыми сливками.

Закурив и сунув руки в карманы куртки, Горелый втянул голову в плечи и двинулся сквозь туманную мглу через дворы. Выйдя к трамвайной колее, он свернул налево и зашагал вдоль бордюра, время от времени оглядываясь – не прорежутся ли в непроницаемой пелене фары маршрутки. Когда наконец одна из них вынырнула из мглы, осветив одинокого пешехода, Сергей замахал руками, останавливая «газель». Войдя в салон, он выгреб из кармана всю оставшуюся мелочь и ссыпал ее в протянутую руку водителя. Хочет – пусть считает, все равно больше у него нет ни гроша. Вчерашние патрульные сержанты, оскорбленные наглядным уроком Сергея, капитально почистили его карманы. Что они в них пытались найти – неизвестно, но в результате по-шакальи выгребли все, что Сергей позволил себе взять у матери. Собственных денег у вчерашнего заключенного уже не было, а просить на мелкие расходы у Шпола и тем более у братца Юрия Горелому не хотелось.

Пока ехал, мысленно похвалил подполковника Зарудного за его настойчивое желание встретиться и, очевидно, выяснить отношения, которые так и остались недовыясненными тогда, весной две тысячи десятого. Если б не эта его настырность, Сергею пришлось бы искать какой-нибудь другой правдоподобный повод, чтобы в одиночку выйти на улицу. А выйти не терпелось: все, что рассказал Андрей о поведении убитой горем вдовы Коваленко, Горелому сильно не понравилось.

Да, человек вполне может впасть в ступор от неожиданного трагического известия. Но невозможно тормозить до такой степени, чтобы не понять: между странным пророчеством о близкой смерти и трагедией, которая вскоре произошла, подтвердив это пророчество, должна существовать прямая связь. Следовательно, первое, что должна была сообщить следствию безутешная вдова, – это имя и адрес той самой ворожки. Хотя бы из-за отсутствия иных зацепок. Как бы то ни было, Галина Коваленко явно прикрывалась собственным горем, а друг семьи Олег Позняков всеми силами пытался оградить ее от, вероятно, нежелательных для нее вопросов.

Не обратить на это внимания мог только слепец или полный тупица. Андрей Шпола не был ни тем ни другим, но все же не заподозрил ни Галину Коваленко, ни Познякова в причастности к совершению преступления. В противном случае обоих уже давно прессовали бы в розыске как подозреваемых, разведя по разным кабинетам. И Шпола принимал бы в этом прессинге самое непосредственное участие. Но на данный момент Галина – потерпевшая, а Позняков вообще постороннее лицо, и их не тронут, потому что для этого нет ни малейших оснований. Соответственно, эти двое (в особенности Галина!) могут и имеют право сообщать полиции только то, что считают необходимым, и как можно дольше скрывать ту информацию, которая может им как-то навредить.

Машрутка притормозила и остановилась на нужной остановке. Горелый вышел в туман. Огляделся, прикидывая направление, снова закурил и двинулся, чавкая ботинками, к едва освещенному частному сектору.

«С другой стороны, – продолжал он рассуждать, – Галина Коваленко вряд ли совсем уж непролазная дурища, следовательно, понимает, что рано или поздно придется ответить на вопрос: кто такая эта ясновидящая и где она проживает. Значит, ей просто необходимо отсрочить момент, когда этот вопрос будет задан. А тем временем решится нечто такое, о чем никто, кроме нее самой и, возможно, Познякова, не знает и не должен узнать. Но раз так, надо ковать железо, пока горячо».

Приближаясь к дому Коваленко, Горелый вовсе не считал, что помогает Шполе. Вернее, он намеревался проделать то, чего Андрей, как официальное лицо, не мог себе позволить. А получив ответ на свой вопрос, позже он охотно поделится информацией с другом. Впрочем, ему, Сергею Горелому, было известно, что никто, в том числе и друг, этих его действий не одобрит.

Найдя нужный ему дом, он бросил в слякоть окурок и пошарил справа от ворот, отыскивая кнопку звонка. Нашел, нажал.

Минут через пять послышались приближающиеся к воротам шаги, затем – встревоженное:

– Кто там?

Голос принадлежал мужчине.

– Милиция! – рявкнул Горелый, надеясь, что подобный тон вызовет доверие.

И он не ошибся: обитая листовым металлом калитка приоткрылась, за ней замаячила, сливаясь с окружающим туманом, бледная физиономия.

– Ваши уже были...

– Я еще не был! – В голосе Горелого лязгал металл. – Есть ряд вопросов. Вы кто? Ваши документы!

– Но я...

– Все ясно. – Сергей решительно рванул калитку на себя, потеснив мужчину в плаще, брошенном поверх свитера, – курносого растрепанного очкарика. – Галина Коваленко дома?

– Дома, только...

– Давайте пройдем. – Тон Горелого не предусматривал возражений. – Вы так и не представились. Документы при вас есть? Паспорт или...

– Водительские права, но...

– Давайте без «но», права только в Америке удостоверяют личность владельца.

Насмотрятся, блин, телевизора...

– При чем тут телевизор? – Очкарик окончательно перестал что-либо понимать.

– Вы кто такой, собственно? Или мне задержать вас до выяснения?

– Как это – задержать?

– Элементарно. Фамилия!

– Позняков...

– Кто такой?

– Да я здесь...

– Вижу, что здесь! Кто еще в доме?

– Н-никого... – Курносый Позняков поправил сползающие на нос очки.

– А Галина Коваленко?

– Галина есть...

– Звонили вам?

– Кто?

– Сейчас объясню. – Металл из голоса Сергея пропал. «Ну и хватит для начала», – решил он. К туману, окутавшему все вокруг, он достаточно подпустил и своего туманца.

Едва переступив порог, он мгновенно понял: хозяин этого дома вряд ли собирался помирать. Во дворе, да еще и в полумраке, это не так бросалось в глаза, но внутри сразу стало ясно, что над первым этажом начали надстраивать второй, и теперь неизвестно, когда все это завершится и завершится ли вообще.

Строительные инструменты и сложенные грудой материалы занимали целый угол в просторной комнате, откуда, по замыслу покойного хозяина, навверх, в уютную мансарду, должна была вести винтовая лестница. Из-за этой – иначе и не скажешь! – свалки атмосфера в доме была еще более угнетающей, ни о каком уюте не было и речи.

Горелый снял кепку и, не зная, куда ее пристроить, сложил пополам, сунул в карман куртки. Саму куртку расстегнул, бросив на очкастого Познякова суровый взгляд, а заодно отметив, что за то время, пока они пересекали двор, друг семьи малость очухался. В его следующем вопросе уже слышался вызов:

– Что-то вы не похожи на полицию... А у вас документики имеются?

– У нас все имеется, гражданин! – рыкнул Сергей, не собираясь уступать инициативу какому-то ботанику. – И пока я не начал тут демонстрировать свои возможности и полномочия, давайте-ка лучше по-быстрому проясним несколько вопросов, после чего я оставлю вас в покое. Если, конечно, покой в вашей ситуации вообще возможен. Значит, вам точно не звонили? Мы ведь проверим, так что лучше бы вам не врать.

Горелый отчаянно блефовал. Если предположить, что вдова Николая Коваленко и друг семьи, чей статус еще предстояло уточнить – уж слишком уверенно он держался в чужом доме, – действительно вместе решили что-то скрыть от следствия, то не исключено, что оба в связи с этим чего-то очень боятся. В противном случае имя и адрес так называемой ведьмы Галина назвала бы при первом контакте с угрозой. Да и Позняков, который, вне всякого сомнения, в курсе всех семейных дел Коваленко, наверняка сообщил бы эту информацию. Ну а люди, которые чего-то боятся, еще больше опасаются того, что их в этом изобличат. «Следовательно, не будет ошибкой считать, что Галина Коваленко должна сейчас вздрагивать от любого телефонного звонка, прежде всего – от неизвестного абонента», – решил Сергей.

– Не звонили, – механически пробормотал Позняков, даже не поинтересовавшись, кто должен был звонить, и подтвердив тем самым подозрения Горелого.

– Еще позвонят, – пообещал Сергей. – Или придут. А то и подкараулят где-нибудь, кто их знает. Короче, обязательно потребуют, чтобы вы и дальше молчали.

– О чем это мы молчим? – Позняков снова попытался призвать на подмогу логику, чтобы понять, что происходит.

– Ты думаешь, я не знаю, кто ты такой? – внезапно грубым тоном, перейдя на «ты», произнес Горелый. – Ты же знал, что мужика завалят. И жена его знала! И оба вы знаете, кто именно это сделал, а сейчас изображаете из себя партизан на допросе, вашу мать!

– А вы... вы кто, собственно, такой? – попытался было оказать хоть какое-то сопротивление Позняков.

– Будешь и дальше играть в эти игры – считай, что я смерть твоя героическая! – гаркнул Горелый, чтобы окончательно подавить любую попытку увести разговор в сторону или спустить на тормозах. Тем более что времени на все про все у него оставалось не так уж много. – Не скажешь – никто никого уже не сможет защитить!

– От чего защитить? – Позняков уже не качал права, голос его звучал жалобно.

– Вот это ты мне сейчас и скажешь! Иначе тот, кого вы оба так боитесь, сделает все, чтобы вы уже никогда никому не сказали ни слова!

Читать по глазам бывший опер не разучился. Даже сквозь линзы очков было видно, что курносый Позняков очень хорошо понимает, от чего его предостерегает незнакомец. И даже осознает, что заигрался, что больше нет никакого смысла возмущенно восклицать: «Да что вы такое говорите?! О чем вы?!» С этого очкарику следовало начинать, а теперь он лихорадочно искал возможность увести разговор в сторону без особых для себя потерь.

– Кто вы? – внезапно послышался из-за спины Горелого хрипловатый женский голос.

Мужчины одновременно обернулись и посмотрели в сторону двери, которая вела, судя по всему, в спальню.

В дверном проеме, кутаясь в толстый махровый халат, стояла коротко стриженная женщина. Под глазами у нее залегли свинцовые круги, а халат не скрывал ее хрупкости, вернее худобы.

– Во всяком случае, не меньший друг вашей семьи, чем, скажем, вот этот господин. – Горелый неожиданно даже для себя сменил тон. – Вы Галина?

– Да, – подтвердила женщина. – Что вам нужно?

– Я должен выяснить, не пытались ли вас запугать.

– И поэтому сами начали с запугивания. Я все слышала.

– Я не собирался никого пугать... Думаю, на вас и так достаточно нагнали страха.

– И чего же мы, по-вашему, боимся? – Женщина говорила негромко, выглядела немного заторможенной, но Сергей отнес это на счет транквилизаторов, которыми ее пичкали с самого утра. Как бы то ни было, вела она себя вполне адекватно, по крайней мере достаточно адекватно для того, чтобы отвечать на вопросы.

– Галина, я тоже говорил с вашим мужем, – начал Горелый.

– Что значит «тоже»?

– Это не важно, – отмахнулся Сергей, бросив выразительный взгляд на Познякова: дескать, молчи, не суйся! – Я имею в виду, что беседовал с Николаем Коваленко за час до того, как его телефон перестал отвечать. Хотите, опишу, как он выглядел?

– Верю. Продолжайте.

– Николай обмолвился, что ходил к какой-то ворожке. Вам известно об этом?

Ответа не последовало. Галина Коваленко не знала, как ответить на вопрос незнакомца. И пока даже не решила, стоит ли вообще отвечать.

– Хорошо. Он сказал, что пойти к этой женщине посоветовали ему вы. Это правда?

– Нет! – чересчур поспешно произнесла Галина.

– Значит, он солгал? Но зачем? Послушайте, вас здесь двое, и ни один из вас не выглядит идиотом. Я нахожусь в этом доме неофициально, но завтра сюда заявится куча официальных лиц, и всем им известна эта сказочка про гадалку. Долго филонить с ними не получится. Зато я могу сделать так, что никто не узнает, что именно вы назвали адрес этой ясновидящей. Сложится впечатление, что полиция самостоятельно, без вашего участия, вычислила эту особу. А может, этой ворожке известно нечто такое, что может навредить лично вам, Галина?

– Ничего ей не известно!

И снова слишком поспешный ответ, но это уже кое-что: женщина больше ничего не отрицает, не изображает состояние шока в результате постигшего ее горя.

– Тогда почему же вы так упорно отказываетесь назвать ее имя? Нам как минимум необходимо потолковать с этой прорицательницей. На фоне событий прошлой ночи – уж извините! – такое желание выглядит довольно логичным. Если бы, Галина, – тон Сергея вдруг стал доверительным, почти дружеским, – ваш муж не пошел в полицию, чтобы ни с того ни с сего поведать о том, что ему предсказали близкую смерть, никто бы не стал даже спрашивать вас о той особе, которая, собственно, эту смерть и накликала. А убийцу бы искали... в общем, гденибудь в других местах. Кстати, – вдруг спохватился Горелый, – а кто

на самом деле мог желать смерти Николаю Коваленко, да еще и такой жестокой? Ведь его выкрали, хладнокровно пристрелили, а затем подбросили труп к дому. У вас нет никаких предположений?

Пока Сергей произносил это, друг семьи окончательно успокоился и снова попытался двинуться в наступление:

– Послушайте, вы с таким гонором ворвались сюда... То пугаете, то пытаетесь успокоить, то снова начинаете запугивать! Кто вы, откуда, какую структуру представляете? Только не говорите, что имеете отношение к уголовному розыску!

– Меня зовут Сергей. Для нормального общения этого пока вполне достаточно.

Галина снова вмешалась:

– Хорошо, Сергей, я не думаю, что вы желаете нам зла. И вы правы: что касается этой ясновидящей, меня не оставят в покое. Вы многое угадали...

– Я не гадалка, – машинально возразил Горелый.

– Я действительно не хотела бы, – продолжала Галина, – чтобы эта женщина, о которой мы здесь говорим, узнала, что это я помогла полиции или кому-то еще найти ее. Она не скрывается, но обстоятельства, из-за которых полиция вынуждена ее разыскивать... Словом, вы понимаете... И если я сообщу вам, как ее найти, вы сделаете то, что обещали?

– В любом случае ваше имя не будет названо, – пообещал Горелый.

– Я продиктую телефон. Что касается адреса... Я думаю, она там не живет, только принимает клиентов... то есть посетителей.

– Почему вы так решили?

– Однажды я пришла без предупреждения, а ее там не оказалось. Позже позвонила ей, договорилась о встрече – и тогда она меня ждала.

– Хорошо, а имя у нее имеется? Фамилия?

– Ну какая фамилия у гадалки! – Наверняка Позняков счел это свое замечание глубокомысленным, а может, и остроумным.

– Ее зовут Олеся.

– Как вы с ней познакомились? Через газетное объявление, интернет?

– Она не дает объявлений. Говорит, что так поступают только шарлатаны и мошенники.

– Может, эта Олеся и денег с посетителей не берет?

– Берет, сколько дадут. Говорит, что ее предназначение – помогать, а люди сами определяют меру ее помощи и размер благодарности.

– Любопытно. А если ничего не дать?

– Нельзя. – Галина вдруг оживилась. – Примета есть: ворожку надо отблагодарить как следует, не жадничать. Да она и сама знает, кто сколько готов залатить. Чувствует, понимаете?

– Нет. Никогда не имел дела с подобными людьми. Чувствует, говорите?

– Именно. А того, кто жадничает, – его судьба накажет.

– Любопытно. – Горелого и в самом деле все это начинало интересовать. – Ну и как наказывает судьба? Как вашего покойного мужа? Он что, пожалел лишнюю сотню гривен?

Еще не закончив фразу, Сергей понял, что зря это сказал. Галина моментально замкнулась в себе, а Позняков изменился в лице.

– Сейчас я запишу вам номер телефона, – сухо и отчужденно произнесла женщина. – Спросите у нее. Но не забудьте о нашей договоренности.

Она развернулась и зашла в спальню, привычным движением прикрыв за собой дверь. Позняков, потоптавшись на месте, все же не удержался и последовал за нею. До Горелого донесся оттуда довольно громкий, но неразборчивый шепот: похоже, один из собеседников пытался что-то запретить другому, а тот упорно настаивал на своем. Сергей шагнул к двери, чтобы лучше слышать, но шепот оборвался.

В следующее мгновение дверь спальни открылась, оттуда вышел Позняков и отдал Горелому синий прямоугольничек стикера с номером мобильного телефона, всем своим видом давая понять: тема исчерпана. Взяв бумажку, Сергей сунул ее в карман брюк и кивнул, прощаясь. Но прежде чем уйти, он взглянул на настенные часы – на протяжении всего разговора эти ходики с чисто декоративными гириями, стилизованные под старину, звучно тикали, раздражая его, – и отметил, что управился довольно быстро. Вдова в конце концов раскололась...

...Так Горелый совершил первую ошибку из целой череды последующих. И все вместе, и каждая в отдельности могли стоить ему жизни.

Часть 3

Конотопская ведьма

Не такой уж он и большой – славный город Конотоп. И как уже было сказано, бывший опер-«убойник» Сергей Горелый знал его как собственную ладонь, причем порой ему доводилось забираться в такие закоулки – храни Господь! Но даже при том, что дожать скорбящую вдову удалось довольно быстро, все равно он не уложился в обещанные Шполе полтора часа. Прогулка затянулась на два с лишним, и Андрей, когда друг наконец-то ввалился в прихожую, выглядел рассерженным.

– Малая, между прочим, только что угомонилась... – вполголоса буркнул он. – А я уже целый час сижу, жду и ломаю голову, откуда тебя сегодня придется вытаскивать.

– А Лида?

– Что – Лида? – недоуменно уставился на Сергея Шпола.

– Тоже улеглась?

– При чем тут Лида? Ты где шлялся?

– Думал.

Ответ показался Андрею не слишком убедительным.

– И до чего додумался? – без энтузиазма любопытствовал он. – Давай, проходи в кухню, нечего маячить в коридоре!

– Мне Лида нужна. Требуется женская помощь.

Идея, которую сейчас пытался озвучить Горелый, пришла ему в голову буквально минуту назад, когда он входил в подъезд. А на обратном пути от вдовы Коваленко он все еще понятия не имел, что делать дальше. Но теперь, когда его внезапно осенило, Сергей решил не останавливаться на достигнутом.

– Слушай, ты можешь объяснить по-человечески? Или по дороге где-то добавил, чтоб лучше думалось?

– Наоборот, Шпола, окончательно протрезвел. Потому и говорю тебе как человек, способный рассуждать исключительно трезво: без Лиды у нас с тобой ничего не получится. Или соседку зови, куму, любую женщину, которой можно доверять...

Шпола присмотрелся: друг и в самом деле не выглядел не то что пьяным, а даже подвыпившим. И тут же сообразил: за то время, что они с Горелым не виделись, он отвык от этой его манеры нести полную околесицу, прежде чем сообщить что-то действительно важное. И то, что Горелый все это время не просто блуждал по улицам, а занимался делом, и дело это не что иное, как предсказанное убийство предпринимателя Коваленко, сомнений у Андрея уже не вызывало.

– Говори, – коротко велел он, всем своим видом давая понять, что обо всем догадался, но пока не врубился, что теперь должно произойти.

– Ну не в коридоре же!

Сергей сбросил измазанные в грязи ботинки, но куртку не снял. Прошел в кухню, уселся на табурет и в нескольких фразах обрисовал, что успел сделать и какой результат удалось при этом получить.

А потом так же лаконично изложил собственный план действий, который на этом этапе предусматривал участие Андрея и, что еще более важно, его жены Лидии.

– Вот оно как... – протянул Шпола, еще не вполне утрамбовав в голове неожиданную информацию и, главное, пока не зная, как ею распорядиться.

Горелому было понятно его состояние. Реализация плана на первый взгляд не выглядела проблематичной. Начальству, тому же подполковнику Зарудному, будет вполне доста-

точно, если опер Шпола доложит, что сведения о некоей Олеся, которая промышляет чем-то вроде пророчеств, он получил оперативным путем. Потребовать от оперативника рассекретить стукача не сможет никакое начальство, даже официально приказать. Да и настоящий профессионал никогда не исполнит такого идиотского приказа.

Уже больше трех десятилетий из уст в уста передавалась легенда о начальнике Сумской областной полиции, назначенном на эту должность после увольнения с ответственного партийного поста в начале семидесятых. Неизвестно, кем был этот человек до того, как его «бросили на полицию», и кем стал впоследствии, потому что спустя полгода после этого очень странного назначения его без всякого объяснения причин отстранили, перебросили на какой-то другой, не менее ответственный участок работы. Не сохранился и созданный им уникальный документ – в архивах его нет, но время от времени находят менты, которые своими глазами видели этот приказ, требовавший выдавать стукачам «удостоверение осведомителя». На самом деле ксива, которую, по мудрому замыслу начальства, должны были вручать тайным информаторам, называлась несколько иначе. А потребность в таком документе объяснялась в приказе следующим образом. Оперативный состав уголовного розыска получает из кассы определенные суммы якобы на оперативные расходы. Прежде всего на оплату ценной информации, полученной от добровольных внештатных сотрудников. Однако этих самых стукачей полицейское руководство никогда в глаза не видит. А факт их существования подтверждается только расписками, которые по большому счету не что иное, как филькины грамоты, которые могут быть написаны кем угодно. Поэтому возникает подозрение, что большинства информаторов вообще не существует в природе. Деньги же, выделяемые на оплату подобных услуг, используются оперативным составом на собственные нужды. Таким образом, учет расходования этих – не следует забывать! – государственных средств ведется неудовлетворительно. И раз уж такие затраты предусмотрены, предлагалось каждому стукачу выдать специальный документ с серийным номером, круглой печатью и вклеенной в него фотографией. Это позволило бы удостовериться, что информатор – реальное лицо, требовать от него отчета и, если его сообщения не принесли ощутимой пользы, лишать вознаграждения. Иными словами, новый полицейский начальник предлагал стукачам дважды в месяц обращаться в кассу управления – за авансом и зарплатой, как и обычные советские служащие. Более того, информация, не подтвержденная письменно с указанием номера удостоверения агента, не могла быть использована в оперативно-розыскной работе.

Понятно, что в полиции этот легендарный деятель надолго не задержался не благодаря этому своему новаторству. Подобная инициатива не могла получить одобрения, не прогулявшись по всем инстанциям. А в те времена и в той стране такие вещи хоть и рассматривались в Киеве, но окончательно утверждались или не утверждались в Москве. Без поддержки бюрократической иерархии в Советском Союзе такие вещи не проходили. Вот почему эта история так и осталась анекдотической легендой и вот почему ее припомнил сейчас Сергей Горелый.

Допустим, Зарудный и в самом деле не станет допытываться, где именно Шпола добыл контактные данные пророчицы по имени Олеся. Но как бы впоследствии ни развивалось это дело, женщина, которую они с Андреем уже успели окрестить конотопской ведьмой, – очень важный свидетель. Значит, рано или поздно будет проведена очная ставка между нею и потерпевшей стороной. Причем скорее рано, чем поздно. Или Зарудный, или кто-то другой из числа посвященных в обстоятельства дела поинтересуется источником информации. И тут стопроцентно всплывет фигура бывшего работника уголовного розыска Горелого, который не просто выжал из вдовы сведения, по какой-то причине скрытые ею от следственных органов, но и, скорее всего, действовал незаконными методами.

Да что там «скорее всего»! Любые подобные действия гражданина Горелого могут считаться незаконными. Ведь он, вчерашний заключенный, осужденный за взяточничество и

злоупотребление служебным положением, не может иметь ничего общего ни с каким полицейским расследованием. Если, конечно, не является фигурантом уголовного дела.

Кто попустительствовал Горелому и делился с ним служебной информацией? Капитан Андрей Шпола.

Именно об этом сейчас и размышлял опер. Из сложившейся ситуации вырисовывалось, как водится, два выхода. Первый – использовать полученную информацию официально, тем самым рискуя навлечь неприятности как на себя, так и на Горелого. Второй – принять предложение Сергея и рискнуть, уже окончательно плюнув на субординацию и служебные инструкции. Именно это и было серьезным минусом второго варианта. Но его уравновешивал увесистый плюс: они, не теряя времени, пойдут по горячему следу.

Они!

Значит, так тому и быть. Нравится это кому-то или нет, но Горелый уже стал полноправным участником расследования – и даже не сегодня, а еще вчера вечером, когда в первый и последний раз увидел мужчину, убитого спустя несколько часов после этой случайной встречи.

Все это пронеслось в голове Андрея минуты за три. Здравый смысл подсказывал: возьми телефон, набери номер Зарудного, разбуди, если спит, и в двух словах поясни ситуацию. Причем даже в присутствии Горелого, пусть убедится в справедливости известной поговорки о друге Платоне и истине... Ясно, что все это закончится ссорой с Сергеем, но ведь это ненадолго: не сосчитать, сколько раз они с ним ссорились и мирились. Зато Серый плюнет на все это, соберет шмотки и уберется из города в родное село. Там какое-то время будет пьянствовать, отлежится, прочувствует свободу, проветрит мозги. Главное – перестанет путаться под ногами и дразнить тех, кого в его положении совершенно не следовало бы выводить из себя.

Шпола взял телефон.

Потом вышел, оставив Горелого в одиночестве, но ненадолго – вернулся в сопровождении Лиды. Та, взглянув на часы и увидев, сколько времени, только тяжело вздохнула:

– Вы уже совсем сдурели, мужики?

– Совсем, – согласился Шпола, и это было не так далеко от истины. – Еще ведь не поздно. Всего половина одиннадцатого.

– Лучше скажите, сколько вы уже выпили и не подождет ли ваша идея до завтра.

– В нашей работе, Лида, мало что может ждать, – проговорил Горелый.

– А ты тут вообще при чем?

– Видишь ли, все это я придумал. Думаю, пора уже все пояснить. В общем, так, Лида. – Сергей оторвался от подоконника и сделал шаг в ее сторону. Теперь их разделял только кухонный стол. – Описываю ситуацию: есть одна женщина – народная целительница, ясно-видящая или что-то в этом роде. Нам с ней до зарезу необходимо встретиться и переговорить по-хорошему. Но она – по разным причинам – этого не хочет. И вообще, насколько я знаю, доверяет преимущественно женщинам. Твой муж сейчас наберет номер, а ты с ней поговоришь.

– О чем?

– Понятия не имею, – признался Горелый. – Пусть сначала ответит.

– А кто тогда имеет?

Лида растерянно взглянула на мужа. Тот пожал плечами и проговорил:

– Понимаешь, это особый случай. Встретиться с ней нам надо как можно быстрее. Потому что, судя по всему, утром эта особа может смыться из города. Если уже не смылась. Официальная беседа с ней, боюсь, ничего не даст. Поэтому надо хотя бы уговорить ее немедленно принять тебя. Пусть только скажет, куда приехать, а дальше мы сами разберемся.

– Кто она такая?

Лида имела право знать.

– Не бойся, не убийца. На данном этапе – ценный свидетель, а там видно будет.

– Допустим, я звоню, а она не отвечает или говорит, что не в городе и вернется не скоро. Что тогда?

– Тогда мы оставим тебя в покое, – пообещал Горелый. – А завтра твой муж даст этой информации официальный ход. Подключатся все, кому положено подключаться в таких случаях. Один звонок, Лид. Ври, как на допросе.

– Не была я на ваших допросах.

– Может, скажешь еще, что никогда не врала?

– Ну, было дело, – призналась Лида с самым серьезным выражением лица.

– Это когда же? – встрепнулся Шпола.

– Когда через два месяца после нашей свадьбы тебя пырнули заточкой в каком-то при-тоне, а я убеждала себя, что не знала, за кого выходила замуж и что меня ждет. Давайте номер, комбинаторы!

Сверясь с синим листочком, Шпола набрал цепочку цифр. На всякий случай приложил телефон к уху, боясь услышать, что абонент не может принять звонок или находится вне зоны досягаемости, но вызов прошел, и Андрей протянул трубку жене. Через несколько секунд Лида заговорила, причем таким голосом и тоном, каких муж никогда еще не слышал:

– Добрый вечер, прошу прощения, что так поздно беспокою! Я с Олесей говорю? Извините, ради бога, еще раз, не знаю вашего отчества... Просто Олеся? Спасибо!.. Мне одна знакомая дала ваш телефон, долго отказывалась, просила не называть ее... Просто не знаю, что делать, муж из дома ушел... Куда, с кем – даже представить не могу... Мне сказали... Хорошо... – Лида сделала характерный требовательный жест, и Шпола моментально подсунул ей листок бумаги и ручку. Женщина начала торопливо записывать. – Спасибо! Прямо сейчас беру такси и еду, так что скоро буду...

Закончив, она выдохнула, словно поднялась по лестнице с тяжелыми сумками, а до того прошла пару километров по нечищеным зимним улицам.

– Даже не удивилась, – проговорила Лида, пожимая плечами. – Я бы на ее месте удивилась.

– Потому-то она на своем, – заметил Горелый.

Адрес конотопской ведьмы был записан рядом с номером ее телефона.

Панельный дом на Кубе, одной из городских окраин, ничем не выделялся среди сплошной рядовой застройки.

Это было заметно даже сейчас, поздним вечером, когда половина фонарей уже не горели. В больших городах такие районы именуют спальными, и однажды Горелый краем уха слышал по телевизору бурное выступление какого-то продвинутого архитектора, который восклицал, размахивая руками: «Правильно, такие районы по праву называют спальными: жить там нормальному человеку невозможно – только спать! Да они и не были предназначены для жизни, только для сна. Вот и погрузились в конце концов в летаргический сон».

Что имел в виду оратор, за что ратовал, против чего выступал, Сергея и тогда, и теперь совершенно не волновало. Потому что он был в принципе не согласен с архитектором: для сна предназначены в первую очередь центральные районы городов.

Взять хотя бы Конотоп – не мегаполис, но и не захолустный городишко. Однако открытые круглые сутки питейные заведения или прочие места для ночных развлечений отыскать в центре не так просто. Зато на окраинах, хоть и на той же Кубе, ночная жизнь намного активнее дневной. Сюда, подальше от центра, переместились многочисленные бары с игровыми автоматами. Здесь, в арендованных под увеселительные заведения подвалах, почти в

открытую торгуют любыми наркотиками, и ни для кого не секрет, где именно в любой час ночи можно получить те удовольствия, за предоставление которых светит весьма серьезная уголовная статья. Здесь же, в сонной тишине безликих хрущоб и девятиэтажек, функционируют частные апартаменты шлюх и мини-бордели.

Но если кому-то понадобится скрыться от правосудия, на окраины лучше не соваться. Только на самый поверхностный взгляд все здесь повязаны причастностью к мелкому, среднему и крупному криминалитету. В действительности большую часть имеющихся в таких районах «точек» полиция не спешит прикрывать – и только потому, что их владельцы в обмен на гарантию неприкосновенности, часто довольно шаткую, охотно сдают таких беглецов вместе с потрохами. Подобные случаи в практике Горелого и Шпола встречались, и неоднократно.

По пути на Кубу оба, не сговариваясь, пришли к выводу: пророчица эта, или женщина, которая выдает себя за ясновидящую и представляется клиентам Олесей, не очень-то и прячется. Окраины обычно беспокойны в криминальном плане, и любые чудеса здесь воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Заставить насторожиться или испугаться городскую окраину может только что-то такое, что категорически не вписывается в здешнюю систему координат.

Следовательно, пророчица Олеся, кем бы она в итоге ни оказалась, в эту систему вполне вписывалась.

Набрав несколько цифр на панели кодового замка – их продиктовала по телефону ясновидящая, – Шпола открыл дверь подъезда и, прежде чем войти, внимательно взгляделся в полумрак. Горелый, следовавший за ним, по ввевшейся в плоть и кровь привычке настороженно осмотрел подступы к подъезду. Ничего подозрительного, но, несмотря на это, чувствовал он себя не слишком уютно. Списав это ощущение на счет того, что он впервые в жизни собирается допросить особу, наделенную необычными способностями, Сергей последовал за другом, резко захлопнув за собой железную дверь. Та громыхнула так, что и сам Горелый невольно вздрогнул, а Шпола отскочил к стене, полуприсел и резко развернулся, ожидая нападения сзади и готовясь дать отпор.

Сообразив, в чем дело, Андрей выругался сквозь зубы и двинулся к лифту. Нажал на кнопку – никакой реакции.

– Вот тебе раз, – проворчал позади Горелый. – Седьмой этаж.

– Без тебя знаю, – огрызнулся Шпола и двинулся вверх по лестнице, почему-то торопливо перешагивая через две ступеньки.

Когда мужчины наконец оказались на нужном этаже, слегка запыхавшись от подъема, Шпола, даже не отдышавшись, сразу позвонил в дверь квартиры без номера – единственной на этой площадке, как и предупредили Лиду по телефону.

Дверь открылась почти сразу.

Словно тот, кто впускал поздних гостей, точно знал время, когда они явятся, и ждал по ту сторону двери.

Мужчины один за другим шагнули в полутемную прихожую.

Свет здесь был выключен, но впереди что-то смутно мерцало. Источник этого мерцания Горелый разглядел сразу: свет пробивался из-за неприкрытой двери, которая находилась прямо перед ними.

В квартире было совершенно тихо и как-то тревожно и неуютно, как бывает в помещениях, где искусственно создана атмосфера таинственности, чтобы заставлять трепетать чувствительные и ранимые натуры. Даже бывалые менты напряглись. Андрею уже приходилось ощущать нечто подобное. Однажды ему, сидевшему в засаде, довелось стать свидетелем того, как подростки пытались принести в жертву бродячего кота, следуя какому-то

неведомому ритуалу, а вмешаться он не имел права, поскольку тот, на кого была устроена засада, где-то задержался, а в конечном счете в ловушку так и не попал. Новоиспеченные оккультисты тоже успели убраться восвояси, благополучно избежав привода и протокола...

Женщина, находившаяся здесь, сливалась с полумраком, словно стремясь стать его частью. Об этом свидетельствовали и ее темная одежда, и длинные, столь же темные распущенные волосы. Не произнеся ни слова, она беззвучно, как привидение, переместилась из прихожей в мерцающую комнату.

Горелый со Шполой, следовавшие за ней, не обнаружили там ничего особенного. На полу и на подоконнике в произвольном порядке были расставлены зажженные свечи, еще две притулились на краях журнального столика, по одну сторону которого стоял стул, по другую – кресло. Сергей невольно начал подсчитывать огоньки свечей – шесть вместе с теми, что на столе, – а женщина тем временем подошла к окну, повернулась лицом к гостям и заговорила самым обычным, разве что слегка надтреснутым голосом, который совершенно не вязался со всей этой нарочитой театральностью.

– Ну и кто из вас Лидия?

– А кто больше похож? – брякнул Горелый.

– Прекратите. – Голос женщины продолжал звучать на одной ноте, без каких-либо оттенков эмоций. – Не будет никакой Лиды. Я знала, что придете вы двое.

– Тогда давайте по порядку. – Шполе нравилось, когда с самого начала всем все было понятно. – Давайте включим свет, погасим свечки и поговорим серьезно.

– А у меня тут и так все серьезно, – по-прежнему ровным тоном проговорила женщина. – Если вы думаете, что пришли в цирк и я сейчас начну кроликов из шляпы вытаскивать или шпаги глотать, сильно ошибаетесь. В таком случае вам лучше сразу уйти.

– Ну, сразу мы не уйдем, не надейтесь.

Шпола устроился в кресле, отодвинув столик. При этом пламя свечей, стоявших на нем, заколебалось, отбрасывая на стены причудливые тени. На мгновение Горелому показалось: вот-вот из полумрака высунется черная рука с растопыренными пальцами, каждый из которых оканчивается длиннющим – не короче пальца – когтем с металлическим блеском, который начинает расти, расти, чтобы схватить...

Тьфу, черт, и тут этот навязчивый детский кошмар!

– Если вы включите электрическое освещение, разговора не получится, – проговорила женщина. – Я не смогу вас видеть.

– А так можете?

– Так – могу. Человек виден только при естественном свете.

– А этот разве естественный? – Горелый жестом обвел свечи.

– Этот – естественный, – гнула свое женщина. – Свечи восковые, не какой-нибудь парафин. Настоящий пчелиный воск. В этом воске – энергия тысяч пчел... – У Сергея создалось впечатление, что она говорит, ни к кому не обращаясь. Слова срывались с ее губ и тонули в созданной ею самой сумрачной пустоте. – Пчелы черпают свою силу, перелетая с цветка на цветок. Цветы расцветают, питаются солнечной энергией. Еще пояснить или уже все ясно?

Повисла тишина: каждому из мужчин внезапно остро захотелось, чтобы на этот вопрос ответил другой.

– То есть вы хотите сказать... – Горелый осторожно подбирал нужные слова. – Это значит, что пчелы заряжают воск энергией солнца... Верно?

– Вы быстрее соображаете, чем мне сначала показалось.

В голосе женщине не было иронии – он по-прежнему ничего не выражал.

– Энергия солнца – это суть энергии жизни, – продолжала она. – Именно эта энергия помогает мне видеть при свете свечей то, что невозможно разглядеть даже в свете мощного прожектора. Или чего-то в этом же роде...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.